
ПЕСНЬ
ПОСЛЕДНЕЙ
ВЕЛЬВЫ
«Боги подарили мне дар видеть судьбы других,
но не предупредили, что однажды я стану
пленницей собственной».

Evangelina White

Песнь последней вельвы

«Автор»
2026

White E.

Песнь последней вельвы / E. White — «Автор», 2026

В мире, где древние боги ещё хранят власть над людскими судьбами, Фрейя — ученица вёльвы, отмеченная своей покровительницей, богиней Фрейей. Ей дан дар сейда, но видения не всегда приносят ответы, а порой становятся источником боли.Потеряв мужа и маленького сына, Фрейя винит себя и считает, что больше не достойна любви. Но в 1003 году Каттегат становится местом, где переплетаются чужие судьбы, старые обиды и грядущая война. Новые встречи заставят её усомниться в прежних убеждениях и взглянуть в лицо тому, от чего она так долго бежала.Сможет ли та, кто видит чужие судьбы, обрести собственную — и поверить, что всё ещё достойна счастья?

© White E., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава первая. «Под небом северных богов» 5
Глава вторая. «Шёпот перед бурей» 10
Глава третья. «Гости из далёких земель» 16
Глава четвёртая. "Дороги, начертанные богами" 25
Глава пятая. «Испытание веры» 31
Глава шестая. «Там, где кончается море» 45
Конец ознакомительного фрагмента. 59

Evangelina White
Песнь последней вельвы

Глава первая. «Под небом северных богов»

«Прошлое никогда не уходит бесследно. Оно прячется в запахе дыма, в шуме дождя, в голосах незнакомцев — и однажды возвращается, чтобы напомнить о себе».

Я проснулась от холода.

Ветер пробирался сквозь щели между брёвнами, заставляя пламя в очаге беспокойно дрожать. За небольшим окном ещё царила темнота, но я уже слышала, как просыпается Каттегат: где-то кричали петухи, скрипели тележные колёса, а со стороны пристани доносились голоса рыбаков.

Я перевернулась на другой бок, пытаясь укрыться меховым покрывалом.

— Если ты уже проснулась, Фрейя, то перестань притворяться, будто одеяло удерживает тебя от смерти.

Голос Сигрун прозвучал из-за перегородки.

Я открыла глаза.

— Я ещё надеялась, что ты не заметила.

— Я заметила, что вчера ты обещала встать с рассветом.

— Вчера я была моложе и куда доверчивее.

— За одну ночь?

— Не стоит недооценивать ночь.

Сигрун появилась в дверном проёме. Её седые волосы были заплетены в две длинные косы, украшенные небольшими металлическими кольцами. На плечах лежала шерстяная накидка, а в руках она держала деревянную чашу.

— Поднимайся. Воды осталось немного.

— Странно, как быстро она уходит, когда в доме живёт человек, которому всё время что-нибудь нужно.

— А моё терпение, выходит, неисчерпаемо? — сухо отозвалась Сигрун.

Я села, потянулась и откинула с лица спутанные волосы. Сигрун протянула мне чашу, дожидаясь, пока я окончательно проснусь.

— Доброе утро, наставница.

— Оно станет добрым, когда ты вернёшься с полными вёдрами.

Она ушла прежде, чем я успела придумать новый ответ. Я всё-таки улыбнулась и поднялась.

Сигрун редко позволяла себе нежность в словах, но я давно научилась замечать её в поступках. Она никогда не оставляла меня без еды, следила, чтобы у меня была тёплая одежда, и, даже когда сердилась, всегда находила время проверить, не закончились ли мои лекарственные травы.

Для чужих она была строгой вёльвой, к мнению которой прислушивались даже влиятельные люди Каттегата. Для меня она стала человеком, рядом с которым впервые за долгое время не приходилось ждать удара.

Я поднялась, оделась и убрала длинные каштановые волосы в свободную косу. Две серебристые пряди у висков выбились из причёски. Я задержала на них взгляд.

Они появились после первого сильного видения.

Иногда мне казалось, что с каждой новой встречей с будущим я теряю что-то от прошлого.

Я коснулась серебристых волос и отвела глаза.

Не сегодня.

На улице стоял холодный ветер.

Каттегат постепенно пробуждался. Из длинных домов поднимался дым, женщины выносили к дверям корзины с бельём, а дети бегали между постройками, пока взрослые не успели заставить их работать.

У кузницы уже раздавался звон молота.

Возле пристани рыбаки разгружали лодки. Пахло свежей рыбой, мокрыми канатами и дымом от очагов.

Я направилась к колодцу.

Там уже стояли две женщины — Астрид и Ингрид. Они обсуждали последние новости, не обращая внимания на холод.

— Слышала последние вести? — Астрид придержала ведро ногой. — Этельред велел перебить данов, живущих в Англии.

Я остановилась.

— Всех до одного? — спросила я, опуская ведро в колодец.

— Так рассказывают торговцы. Это случилось ещё в прошлом году, в День святого Брайса. Людей вытаскивали из домов.

Ингрид покачала головой.

Ингрид поправила платок на плечах. Брат писал ей, что среди убитых были женщины и дети. Она произнесла это негромко, будто боялась, что сами слова могут накликать беду.

Я опустила ведро в колодец.

Англия.

Одно это слово заставляло меня чувствовать себя так, словно кто-то сжал сердце холодной рукой.

Я родилась там.

В другой жизни.

До того, как чужие воины ворвались в наш дом, до того, как я потеряла мать из виду, до того, как меня увезли через море и продали в рабство.

Иногда я пыталась вспомнить лицо отца. Получалось плохо. В памяти оставались только его руки — сильные, покрытые мелкими шрамами от работы с деревом.

Я помнила, как он сажал меня на колени, позволяя перебирать деревянные фигурки, которые вырезал после работы. Помнила запах стружки на его одежде и тихий смех, когда я пыталась повторять за ним движения ножа.

Моя маленькая птичка.

Так он иногда меня называл.

Я крепче сжала верёвку.

Мне хотелось верить, что родители погибли быстро и не мучились. Но правда заключалась в том, что я не знала ничего наверняка. В тот день меня забрали из дома, и больше я их не видела.

Я слишком долго убеждала себя, что их нет в живых. Иногда это было легче, чем представлять, что они могли остаться где-то на этой земле и напрасно ждать возвращения дочери.

— Фрейя, — позвала Астрид, когда я надолго задумалась.

Я подняла голову.

Астрид смотрела на меня.

— Ты нас слышишь?

— Слышу. Просто не сразу нашлась, что сказать.

— Кнут собирает войско. Говорят, он намерен отплатить англичанам.

— Значит, в Каттегате скоро станет теснее.

— Зато торговцам будет на что надеяться, — заметила Ингрид.

— Торговцам — золото, вдовам — похоронные костры, — сказала я, вытягивая ведро.

Астрид скривилась: — Ты умеешь остудить даже самый весёлый разговор.

— Лучше так, чем позволить ему согреть нас раньше времени.

Ингрид посмотрела на меня внимательнее.

— Ты ведь родилась по ту сторону моря? — спросила Ингрид уже без прежней лёгкости.

Я кивнула.

Астрид бросила на неё укоризненный взгляд, но я ответила прежде, чем она успела вмешаться.

— В Англии. Достаточно давно, чтобы помнить запах дождя на земле, и слишком давно, чтобы помнить всё остальное.

Женщины замолчали.

Я подняла ведро и перелила воду в свою чашу.

— Если увидишь Сигрун, напомни ей про мазь для моей спины, — попросила Астрид. — Она обещала приготовить его ещё на прошлой неделе.

— Лучше напомни сама. Я не хочу стоять рядом, когда она спросит, сколько раз ты забыла его нанести на спину.

Астрид рассмеялась.

Я направилась домой.

После завтрака Сигрун поручила мне разобрать собранные травы.

На длинном деревянном столе лежали пучки сушёного зверобоя, тысячелистника, мяты и вереска. Рядом стояли глиняные сосуды с маслами и настойками.

Я осторожно перебирала листья, отделяя испорченные.

— Сегодня ты очень молчаливая, — заметила Сигрун, когда мы уселись разбирать травы.

— Разве ты не ценишь тишину?

— Ценю. Но обычно ты находишь, о чём поспорить, даже с сушёной мятой.

Я подняла глаза и отложила испорченный лист. — Ты хочешь, чтобы я рассказала, что вспомнила у колодца?

— Я хочу, чтобы ты перестала делать вид, будто Англия для тебя — всего лишь слово, услышанное от торговцев.

Я продолжила работу.

— Я не делаю вид.

— Тогда не отворачивайся от того, что болит твое сердце.

Я подняла голову.

Сигрун сидела напротив, внимательно наблюдая за мной.

Она смягчила голос, но не отвела взгляда: — Ты не обязана открывать мне каждую тайну. Только не позволяй старым ранам отнимать у тебя всё, что есть сегодня.

— Тебе легко говорить. Ты помнишь своё детство.

Она не ответила сразу.

— Помню. И знаю, что память может быть и опорой, и цепью. Выбирать, чем она станет, приходится самой.

Я опустила взгляд на травы.

— Иногда я всё ещё та девочка, которую забрали из дома.

Сигрун не стала спорить. Она лишь подвинула ко мне корзину с травами, и я продолжила работу.

— А иногда я вспоминаю, что теперь сама решаю, куда идти, — добавила я.

Сигрун кивнула.

— Вот эту женщину я и хочу видеть, — сказала она и вернулась к своим пучкам.

Я невольно улыбнулась.

Позже, когда мы закончили работу, я достала из кожаного мешочка маленькую деревянную птицу.

Она была вырезана неровно, но мастерски. Одно крыло оказалось чуть выше другого, а на спине сохранились следы ножа.

Эйрик сделал её для нашего сына.

Маленький Лейф любил держать фигурку в руках и пытался подражать отцу, когда тот работал с деревом.

Я провела пальцем по деревянному крылу.

Сигрун заметила деревянную птицу у меня в ладони. — Ты снова достала её.

— Боюсь однажды забыть голос моего маленького Лейфа. Словно вместе с ним исчезнет и то, каким он был.

Она отложила нож.

— Голос может потускнеть в памяти. Но это не значит, что исчезнет любовь.

Я сжала фигурку сильнее. — А если я уже забыла что-то важное?

— Тогда вспомнишь другое. Память не хранит всё одинаково.

Я сглотнула.

— Я должна была остановить Эйрика. И сына. Хоть одного из них.

Сигрун медленно подошла ко мне.

Сигрун подошла ближе, но не коснулась меня. — Ты не знала, что случится.

— Я видела море и корабль. Перед отплытием мне снилось, что вода поглотит их. Я почувствовала беду — и всё равно не сумела понять.

— Ты увидела обрывки, а не ответ, — сказала она. — Сейд не даёт человеку власть над тем, чего он ещё не знает.

— А если боги всё-таки предупреждали меня?

— Тогда ты не сумела прочесть знак. Это не делает тебя виновной в буре.

Я отвернулась.

— Я больше не могу слушать, что моей вины нет. От этих слов ничего не меняется.

— Знаю. Но и твои самобичевания ничего не меняют, кроме того, что каждый день причиняют тебе новую боль.

Её слова были резкими, но в них не было злости.

Я убрала птицу в мешочек. — Я попробую не вспоминать это каждую минуту.

— Этого достаточно. Не требуй от себя большего за один день.

К вечеру Каттегат наполнился разговорами о предстоящем походе.

У большого зала собирались воины. Некоторые уже были готовы отправиться в Англию, другие ждали известий о прибытии короля Кнута и его союзников.

Я пришла туда вместе с Сигрун.

Она должна была передать несколько целебных настоев людям, которые занимались подготовкой раненых к будущему походу.

Внутри было шумно.

Мужчины спорили о кораблях, оружии и возможной добыче. Кто-то рассказывал, что англичане укрепили свои города, другие уверяли, что их стены не выдержат натиска скандинавов.

— Если они такие храбрые, почему столько лет платили дань? — громко спросил один из воинов.

— Потому что умный человек предпочитает золото могиле, — ответил другой.

Я поставила сосуды на стол.

— А некоторые предпочитают могилу, лишь бы не отдавать золото, — пробормотала я.

Сигрун услышала.

— Не начинай.

— Я ничего не сказала.

— Именно это меня и тревожит.

Мы собирались уходить, когда возле входа раздался громкий спор.

Двое мужчин обсуждали, кто первым должен отправиться в Англию, а кто останется охранять поселение.

— Я не собираюсь сидеть здесь, пока другие забирают славу и добычу! — возмущался один.

— А кто будет защищать твой дом, пока ты ищешь славу? — ответил другой.

— Моя жена справится лучше тебя.

Раздался смех.

Я посмотрела на Сигрун.

— Похоже, некоторые уже решили, что вернутся победителями.

— Люди часто представляют себе возвращение ещё до того, как покинули берег.

— А ты?

— Я предпочитаю не загадывать.

Мы вышли из зала.

На улице ветер стал сильнее. Над фьордом сгущались тучи, и вода темнела под их тенью.

— Сигрун, — позвала я.

— Что?

— Ты думаешь, поход действительно состоится?

Она посмотрела на море.

— Кнут собирает людей не ради пустых разговоров. Вопрос лишь в том, сколько из них вернётся.

Я промолчала.

Ночью мне приснилось море.

Я стояла на берегу, но не узнавала этого места.

Волны поднимались всё выше, ветер рвал одежду, а вдали виднелся корабль.

На палубе стоял мужчина.

Я не могла рассмотреть его лица.

За его спиной кружили вороны.

Затем раздался детский плач.

Я бросилась к воде, но ноги словно приросли к земле.

— Нет!

Я проснулась, резко сев на постели.

В комнате было темно.

Сигрун спала за перегородкой.

Я достала деревянную птицу и прижала её к груди.

— Только не сейчас — прошептала я.

Но море уже не отпускало меня.

«Когда боги собирают воинов под одним небом, никто не знает, чья кровь первой окрасит землю. Но даже тот, кто остаётся в стороне, однажды услышит зов войны».

Глава вторая. «Шёпот перед бурей»

Утро началось с дождя.

Он барабанил по крыше, стекал по стенам и собирался в небольшие лужи между домами. Ветер гнал с фьорда сырой холод, а над водой висел густой туман. Даже чайки сегодня кричали реже обычного.

Я сидела у очага и пыталась согреть ладони над огнём.

Ночью мне снова снилось море, но на этот раз я почти не помнила увиденного. Осталось лишь неприятное ощущение, будто кто-то долго смотрел на меня из темноты.

Деревянная птица лежала рядом.

Я убрала её в кожаный мешочек и затянула ремешок.

— Если собираешься провести весь день у очага, предупреди меня заранее, — сказала Сигрун, перебирая принесённые травы. — Я найду кому поручить работу.

Она раскладывала на столе свежие травы, принесённые женщинами из поселения.

— А я-то думала, что огонь наконец стал мне хорошей компанией.

— Он не станет собирать ягоды и прясть шерсть. Отнеси мазь Хильде, а потом загляни на рынок.

Я вздохнула и поднялась.

Я поднялась, накидывая плащ. — Что ещё взять?

— Сушёный можжевельник и шерсть. Не самую дорогую, но и не ту, что расползётся у тебя в руках.

— А если торговцы оставят только худшую?

— Тогда поторгуйся. Ты умеешь быть невыносимой, когда это приносит пользу.

Я посмотрела на неё с притворным недоумением.

— Значит, доверяешь мне самое трудное.

— Именно поэтому посылаю тебя одну.

Я рассмеялась, забрала сосуды и вышла под дождь.

Рынок уже работал, несмотря на непогоду.

Под навесами торговцы раскладывали товары, прикрывая их грубой тканью. Женщины выбирали рыбу и зерно, кузнец спорил с покупателем из-за цены на наконечники для копий, а возле одной из лавок двое мальчишек пытались выпросить у торговки яблоко.

Я остановилась у прилавка с тканями.

— Сколько просишь за эту шерсть? — спросила я, перебирая край полотна.

Торговка назвала цену.

Я нахмурилась.

— Вчера ты называла меньшую цену.

— Вчера не лило с самого утра.

— Дождь промочил шерсть, но не сделал её тоньше и мягче.

Торговка прищурилась, а потом рассмеялась: — Ты вся в Сигрун. Та тоже спорит, пока не устанет собеседник.

— Значит, ей повезло, что ветер не умеет отвечать.

Торговка рассмеялась и немного уступила в цене.

Я уже собиралась заплатить, когда неподалёку раздался резкий голос.

— Я сказал, что ты должна работать быстрее!

Я повернула голову.

У телеги стоял мужчина, державший за руку молодую рабыню. Девушка едва держалась на ногах. Её платье промокло, волосы прилипли к лицу, а на запястье темнел свежий след от чужих пальцев.

— Я старалась, господин. Мешок слишком тяжёл для меня, — выговорила девушка, едва удерживаясь на ногах.

Мужчина дёрнул её к себе.

— Тогда двигайся быстрее.

Девушка пошатнулась.

Я сделала шаг вперёд.

— Она едва стоит, — вмешалась я, прежде чем успела решить, стоит ли вмешиваться.

Мужчина резко повернулся: — Тебя не спрашивали.

— Это заметно.

Он окинул меня взглядом, задержавшись на рунах, нанесённых на мои руки.

Он перевёл взгляд на руны у меня на запястье. — Ты из дома вёльвы?

— А ты, выходит, умеешь узнавать чужих людей. Уже неплохое начало.

Его лицо потемнело.

— Следи за языком.

— Тогда не давай мне повод.

Он отпустил руку девушки, но не отступил.

Я понимала, что не могу просто потребовать от него освободить рабыню. В Каттегате рабство было частью жизни, и чужое слово редко могло изменить положение человека, если за ним не стояла власть.

Но иногда достаточно было напомнить окружающим, что у жестокости есть свидетели.

Я понизила голос, чтобы не превращать спор в представление для рынка: — Девушка больна. Если она упадёт, ты потеряешь и работницу, и время. Дай ей передохнуть.

— Я сам решу, что мне делать.

— Разумеется. Только Сигрун не любит, когда к ней приносят людей с жаром после того, как их довели до обморока. Особенно если виновник известен всему рынку.

Имя вёльвы подействовало.

Мужчина бросил на меня недовольный взгляд, затем приказал девушке сесть у телеги. Сам вернулся к своим делам, продолжая ворчать.

Я присела рядом с рабыней.

Я присела возле телеги, когда мужчина наконец отпустил её руку. — Как тебя зовут?

— Инга.

— Давно держится жар?

— Несколько дней. Сначала думала, что пройдёт.

Я осторожно коснулась её лба. Кожа была горячей.

— Тебе нужен отдых и тёплое питьё. Если жар не спадёт, попроси отвести тебя к Сигрун. Скажи, что я предупредила её.

Девушка испуганно посмотрела на меня.

Она испуганно покосилась на хозяина. — Он не отпустит.

Я на мгновение замолчала.

Не хотелось давать обещаний, которые я не могла выполнить.

Я не стала обещать невозможного. — Тогда пей воду при первой возможности. И не поднимай тяжёлое, если кружится голова.

Она кивнула.

Я поднялась и вернулась к торговке. Та уже завернула шерсть в ткань.

— Ты всё больше напоминаешь Сигрун, — сказала она.

— Надеюсь, только в хорошем.

— В этом я не уверена.

Когда я вернулась домой, Сигрун перебирала коренья.

Я поставила покупки на стол и рассказала ей об Инге.

Она выслушала, не перебивая.

— Ты поступила правильно, — сказала Сигрун, выслушав меня. — Но не каждый отступит, услышав моё имя.

— Я не могла просто пройти мимо.

— И не должна была. Только помни: некоторые люди становятся опаснее, когда им кажется, что их выставили на посмешище.

Я сняла мокрую накидку.

— Значит, в следующий раз мне отвернуться?

— В следующий раз подумай, как помочь так, чтобы не подарить жестокому человеку ещё одну жертву.

Я посмотрела на неё.

— Ты учила меня, что сила не всегда в оружии.

— Так и есть. Но знание того, когда отступить, тоже сила.

Я усмехнулась: — У тебя на каждый мой довод найдётся ответ.

— Не на каждый. Просто ты пока не научилась вовремя останавливаться.

Я ничего не ответила.

Сигрун вернулась к травам, а я принялась помогать ей.

Некоторое время мы работали молча.

— Ты опять не спала, — сказала Сигрун, когда я в третий раз перепутала травы.

Я задержала руку над корзиной.

— Так заметно?

— Ты отправила мяту в корзину с тысячелистником. Ещё немного — и мы начнём лечить людей от собственных снадобий.

Я посмотрела на корзину и обнаружила, что действительно перепутала травы.

— Я задумалась.

— О том сне?

Я кивнула. — Почти ничего не осталось в памяти. Только море и чувство, будто кто-то смотрит из темноты.

Сигрун отложила нож. — Не всякий сон приходит с вестью.

— Но ты сама говорила, что некоторые сны бывают предупреждением.

— Бывают. Но если искать знамение в каждом шорохе, однажды перестанешь слышать то, что действительно важно.

Я провела пальцами по рунам на запястье. — Иногда мне кажется, что мой дар только показывает то, что я не в силах изменить.

— Ты требуешь от него невозможного.

— Разве не для этого он мне дан?

Сигрун долго смотрела на меня.

— Дар не делает тебя хозяйкой судьбы. Он позволяет услышать то, мимо чего другие проходят. Но даже вёльва может неверно понять услышанное.

Я хотела возразить, но Сигрун продолжила, уже тише:

— Может быть, он нужен не затем, чтобы ты спасала всех. Может быть, однажды ты сумеешь сделать выбор, на который другой не решится.

Я хотела спросить, что она имеет в виду, но Сигрун уже снова занялась травами.

После полудня дождь прекратился.

Я вышла к пристани, чтобы отнести один из настоев старому рыбаку, который жаловался на боль в суставах. Возле причалов мужчины чинили снасти и проверяли лодки перед следующим выходом в море.

Среди них стоял Торстейн — пожилой моряк с обветренным лицом и седой бородой. Он заметил меня и поднял руку.

— Дочь Сигрун! Иди сюда.

— Я не её дочь.

— Тогда почему каждый раз приходишь, когда она посылает тебя с лекарствами?

— Потому что у неё слишком много дел, а у меня слишком мало причин отказываться.

Он рассмеялся.

Я передала ему настой и предупредила, как его принимать. Торстейн внимательно выслушал, хотя по выражению его лица было ясно, что половину советов он забудет ещё до вечера.

— Ты слышала, что говорят моряки? — спросил он, убирая сосуд в сумку.

— О чём?

— Будто где-то на западе видели корабли. Несколько судов, шедших через открытое море.

— Чьи?

— Кто-то говорит, что торговцы. Другие уверяют, что переселенцы. А один старый болтун клянётся, будто видел людей из земель, где даже деревья растут не так, как у нас.

— И ты ему веришь?

— Я верю морю. Оно приносит сюда всяких людей, но редко рассказывает, зачем они плывут.

Я посмотрела на фьорд.

— Значит, неизвестно, кто именно приближается?

— Пока неизвестно. Может, они вообще держат путь в другое место.

Торстейн пожал плечами.

— Но если появятся у наших берегов, Каттегат об этом узнает.

Я поблагодарила его и пошла обратно.

Слухи о чужих кораблях не казались мне чем-то необычным. Через Каттегат проходили торговцы, путешественники и воины из разных земель. Одни искали прибыль, другие — убежище, третьи просто не имели дома, куда могли бы вернуться.

Но почему-то сегодня слова Торстейна не выходили у меня из головы.

Вечером Сигрун попросила меня принести из кладовой небольшой сосуд с маслом.

Я нашла его на дальней полке, рядом с мешочками сушёных трав и старой деревянной шкатулкой. На крышке шкатулки были вырезаны переплетённые линии, напоминавшие древний узор.

Я осторожно коснулась их.

— Не трогай, если не знаешь, что это, — произнесла Сигрун за моей спиной.

Я обернулась.

— А если хочу узнать?

— Тогда однажды я тебе расскажу.

— Ты часто так говоришь.

— А ты часто задаёшь вопросы, на которые пока не готова услышать ответ.

Я взяла сосуд.

— Ты говоришь о моём даре?

— Не только.

Она забрала у меня масло и поставила его на стол.

— Сегодня ночью я хочу провести обряд. Будет достаточно огня, воды и нескольких подношений. Мне нужно проверить запасы.

— Что-то случилось?

— Пока нет.

— Но ты чего-то ждёшь.

Сигрун не ответила сразу.

— В последнее время люди слишком часто говорят о войне. Когда мужчины начинают готовить корабли к походу, женщины должны проверить запасы лекарств.

— А вёльвы?

— А вёльвы должны помнить, что не всякая беда приходит с оружием.

Ночь опустилась на Каттегат тихо.

Я долго не могла уснуть. Ветер снова усилился, и где-то за стеной поскрипывали деревянные балки.

Я встала, накинула шерстяную накидку и вышла наружу.

Небо было затянуто облаками. На крыше соседнего дома сидел ворон.

Он не улетел, когда я приблизилась.

Чёрные глаза смотрели прямо на меня.

— Что тебе нужно? — тихо спросила я.

Птица склонила голову.

Я вспомнила слова Сигрун о том, что не каждый знак требует ответа.

Но ворон продолжал смотреть.

Затем расправил крылья и исчез в темноте.

Я вернулась в дом.

Стоило закрыть глаза, как передо мной возникло море.

На этот раз я стояла не на берегу. Я видела корабль с воды, словно сама плыла рядом с ним. Волны ударяли о борт, парус рвался под порывами ветра. На палубе мелькали люди.

Я попыталась рассмотреть их лица, но видение расплывалось.

Ветер принёс крик.

Затем всё стихло.

Вода стала гладкой, почти неподвижной. На её поверхности качалась деревянная доска. Рядом проплывал обрывок ткани.

Я хотела приблизиться, но вдруг увидела берег.

На нём стояла женщина. Её волосы казались светлыми в тусклом свете, но лицо оставалось скрытым. Руки были протянуты к морю, словно она пыталась удержать кого-то, кого уже уносило течением.

Позади неё стоял мужчина.

Я не могла различить его черты.

Вдалеке закружили вороны.

— Не все возвращаются домой, — произнёс чей-то голос.

Я резко вдохнула.

Видение исчезло.

Комната снова оказалась передо мной, но сердце билось так сильно, словно я действительно только что боролась с волнами.

— Фрейя?

Сигрун стояла у очага. Она, должно быть, проснулась от моего движения.

— Что ты видела?

Я медленно опустила ноги на пол.

— Корабль. Шторм. Женщину на берегу. И мужчину рядом с ней.

Сигрун подошла ближе.

— Ты узнала их?

— Нет. Я даже не уверена, что видела их лица.

— Ты услышала слова?

Я кивнула.

— «Не все возвращаются домой».

Она нахмурилась.

— Это было предупреждение?

— Не знаю.

Сигрун села рядом.

— Не торопись искать ответ. Иногда видение показывает не то, что произойдёт, а то, чего ты боишься.

— А если это не страх?

— Тогда время покажет.

Я посмотрела на неё.

— Ты знаешь что-то, чего не говоришь мне?

Сигрун выдержала мой взгляд.

— Я знаю, что ты не должна принимать каждую тень за судьбу.

Это не был ответ, но я поняла, что большего сейчас не добьюсь.

Я опустила глаза на свои руки. Руны казались темнее в свете очага.

— Мне страшно, — призналась я.

Сигрун не стала утешать меня привычными словами. Просто положила ладонь мне на плечо.

— Страх не делает тебя слабой. Он напоминает, что тебе есть что терять.

Я вспомнила Эйрика. Маленького Лейфа. Дом, которого больше не было.

— Я не хочу снова кого-то терять.

— Тогда не отталкивай всех, кто ещё может войти в твою жизнь.

Я посмотрела на неё, но она уже поднялась.

— Попробуй поспать. Утром будет много работы.

Я легла, однако сон не приходил.

За окном шумело море.

И впервые за долгое время мне показалось, что оно зовёт не меня.

Оно звало кого-то другого.

«Иногда судьба приходит не с громом и бурей. Иногда она просто ступает на берег — промокшая, уставшая и не знающая, что её уже ждут».

Глава третья. «Гости из далёких земель»

«Море не спрашивает, зачем человек отправляется в путь. Оно лишь проверяет, насколько сильно человек желает добраться до другого берега».

Я терпеть не могла запах валерианы.

Он был резким, землистым и въедливым. Стоило растереть корень между пальцами, как его горечь надолго оставалась на коже, перебивая даже аромат можжевельника и сушёной мяты. Сигрун утверждала, что к нему можно привыкнуть. Я же подозревала, что наставница просто давно перестала замечать то, что раздражало остальных.

— Ты слишком усердно его кромсаешь, — заметила она, не отрываясь от своего занятия.

Я посмотрела на деревянную доску. Корень действительно превратился почти в пыль.

— Возможно, он заслужил.

— Травы не виноваты в твоём дурном настроении.

— А кто виноват?

Сигрун подняла на меня глаза. В её взгляде мелькнуло веселье.

— Если бы я знала, давно бы отправила виновника собирать для тебя новые коренья.

Я отложила нож и вытерла руки о ткань. За небольшим окном виднелась часть поселения: крыши домов, дым над очагами и узкая полоска воды между постройками. Каттегат жил привычной жизнью. Рыбаки возвращались с уловом, торговцы открывали лавки, а возле кузницы уже слышались удары молота.

Мне нравилось это время дня. Когда основные дела были сделаны, а вечерние заботы ещё не успели навалиться, можно было ненадолго забыть о чужих просьбах и собственных обязанностях.

Правда, Сигрун редко позволяла мне наслаждаться подобной роскошью.

— Отнеси Ингрид настойку, — велела она, передавая мне небольшую глиняную бутылочку. — И не забудь проверить, как заживает рука её младшего сына.

— Я проверяла её вчера.

— А сегодня она может выглядеть иначе.

— Ты подозреваешь, что мальчик за ночь отрастил себе новую руку?

— Я подозреваю, что ты слишком много споришь и слишком мало слушаешь.

Я улыбнулась, забрала бутылочку и накинула плащ.

— Постараюсь исправиться.

— Не торопись. Боюсь, мир ещё не готов к такому чуду.

Я рассмеялась и вышла за дверь.

На улице пахло дымом, свежей рыбой и влажной землёй. После ночного дождя между домами остались небольшие лужи, в которых отражались серые облака. Я направилась к дому Ингрид, придерживая плащ у горла.

Мне казалось, что день ничем не будет отличаться от предыдущего. Я ещё не знала, что в гавань уже входили корабли, а вместе с ними в Каттегат прибывали люди, чьи судьбы вскоре переплетутся с моей.

Ингрид встретила меня на пороге, вытирая руки о передник. Её младший сын, десятилетний Свейн, сидел у очага и с важным видом держал на коленях перевязанную руку. Вид у него был такой, словно он вернулся с битвы, а не порезался ножом, помогая отцу чинить рыболовные снасти.

— Опять пришла мучить меня своими снадобьями? — спросил он.

— Нет. Сегодня я пришла отнять у тебя другую руку. Чтобы ты не мог больше проказничать.

Мальчик прижал здоровую ладонь к раненой.

— Не отдам.

— Тогда придётся оставить тебе обе. Но только при условии, что ты будешь слушаться мать.

— Это уже слишком суровая цена, — пробормотал он.

Ингрид фыркнула, но я заметила, как разгладились морщинки у её глаз.

Я присела перед мальчиком и осторожно размотала повязку. Рана была неглубокой, края уже затягивались. Кожа вокруг слегка покраснела, но признаков воспаления я не увидела.

— Хорошо заживает, — сказала я. — Только не мочи её в грязной воде и не хватайся за нож.

— А если отец попросит?

— Скажи ему, что я запретила.

— Он не послушает.

— Тогда напомни, что я могу прийти и запретить уже ему.

Свейн усмехнулся. Я смазала порез мазью, наложила чистую ткань и крепко завязала узел.

Пока я убирала принадлежности, Ингрид поставила передо мной деревянную чашку с горячим отваром.

— Выпей. Ты совсем побледнела.

— Я всегда такая.

— Нет. Обычно ты похожа на человека, который готов спорить с самим Одином. А сегодня — на того, кто уже поспорил и проиграл.

Я обхватила чашку ладонями. Отвар пах мятой и мёдом.

— Просто не выспалась.

Ингрид не стала расспрашивать. За это я её ценила. Некоторые люди принимали молчание за приглашение задавать ещё больше вопросов. Она же умела оставить человеку его тайны.

Я допила отвар и попрощалась с ними.

Когда я вышла на улицу, поселение уже заметно оживилось. У лавок толпились покупатели, возле кузницы спорили двое мужчин, а несколько детей гонялись друг за другом между домами. Вдалеке, со стороны гавани, донёсся протяжный гул рога.

Я остановилась.

Звук повторился — низкий, раскатистый, непривычно долгий.

Люди вокруг тоже замерли. Кто-то обернулся к воде, кто-то поспешил к берегу. Даже кузнец отложил молот.

Я не двинулась с места. В Каттегат приходили корабли каждую неделю, но этот сигнал был не похож на обычное приветствие торговцев.

— Должно быть, прибыли важные гости, — произнесла женщина, проходившая мимо с корзиной рыбы.

Её спутница пожала плечами:

— Важные гости всегда привозят с собой важные неприятности.

Я усмехнулась и пошла дальше. Мне не было дела до того, кто именно пересёк море. У меня оставались дела у Сигрун, а чужие корабли редко нуждались в моём внимании.

Но к вечеру я поняла, что на этот раз ошиблась.

Сигрун встретила меня у входа в дом. Она стояла, опираясь на посох, и смотрела в сторону гавани.

— Ты слышала рог?

— Его слышал весь Каттегат.

— Хорошо. Значит, мне не придётся объяснять, почему сегодня нам не дадут спокойно поужинать.

Я сняла плащ и повесила его возле очага.

— Кто прибыл?

— Люди с запада. Из далёких земель.

— Торговцы?

— Вряд ли. Торговцы не собирают вокруг себя столько вооружённых мужчин.

Сигрун прошла к столу, где лежали её мешочки с травами и несколько деревянных дощечек с вырезанными знаками. Я заметила, что она отложила работу, которой занималась до моего возвращения.

— Хаакон пожелала, чтобы я была сегодня рядом с ней, — сказала наставница. — У священного места.

Я взглянула на неё.

— Зачем?

— Она ожидает гостей. И, полагаю, хочет, чтобы те увидели: старые обычаи в Каттегате не забыты.

— А я зачем?

— Поможешь мне с подношениями. И будешь держать язык за зубами, если тебя не спросят.

— Это последнее будет труднее всего.

— Я знаю. Потому и предупреждаю.

Я взяла со стола небольшой мешочек с сушёными травами и проверила его содержимое. Сигрун тем временем достала из сундука серебряную чашу, обёрнутую мягкой тканью.

— Ты знаешь, кто эти люди? — спросила я.

— Пока нет. Но скоро узнаем.

Она произнесла это спокойно, однако пальцы задержались на краю ткани. Я слишком хорошо знала Сигрун, чтобы не заметить её тревоги.

— Ты ждёшь беды?

— Я живу достаточно долго, чтобы не путать ожидание беды с готовностью к ней.

Она забрала чашу и направилась к двери.

— Пойдём, Фрейя. Не заставляй ярла ждать.

Священное место находилось неподалёку от поселения, там, где шум людских голосов становился тише, а ветер свободно гулял между деревьями. Здесь не было высоких стен или богатых украшений. Только камни, древние деревянные столбы, следы прежних подношений и небольшое святилище, потемневшее от времени.

Я любила это место. Здесь не нужно было доказывать, во что веришь. Не нужно было объяснять, почему обращаешься к богам, которых другие называют забытыми.

Сигрун остановилась у каменного алтаря и передала мне чашу.

— Поставь её сюда. Осторожно.

Я опустила серебро на камень, поправила ткань и разложила рядом травы. Наставница зажгла небольшой огонь в чаше для благовоний. Дым поднялся тонкой струйкой, смешавшись с запахом влажной древесины.

Вскоре послышались шаги.

Первой появилась Хаакон. На ней был тёмный плащ, застёгнутый у горла тяжёлой металлической пряжкой. Её сопровождали двое воинов. За ними шла незнакомая женщина.

Она была высокой, с густыми тёмными волосами, собранными назад. Путешествие оставило на её лице следы усталости: под глазами залегли тени, губы были потрескавшимися от ветра, а дорожная одежда покрылась солью и грязью. Но держалась она прямо. Не как человек, который просит приюта, а как тот, кто привык сам выбирать, куда идти.

Я невольно задержала на ней взгляд.

— Сигрун, — поприветствовала Хаакон.

— Ярл.

Женщины обменялись короткими поклонами. Хаакон повернулась к незнакомке.

— Это Фрейдис. Она прибыла из Гренландии вместе со своим братом и спутниками.

Женщина перевела взгляд на меня. В её глазах было настороженное любопытство, словно она пыталась понять, какую роль я здесь играю.

— А это Фрейя, моя ученица, — добавила Сигрун.

— Рада знакомству, — сказала я.

Фрейдис ответила не сразу. Её взгляд скользнул по руническим знакам на моих руках, задержался на двух серебряных прядях у висков.

— Ты тоже служишь старым богам?

— Я учусь слушать их, — ответила я. — Это не всегда одно и то же.

В уголке её рта дрогнула тень улыбки.

— Верно.

Хаакон наблюдала за нами с выражением человека, который замечает больше, чем показывает.

— Твой отец, Эрик из Ярена, был человеком, которого здесь помнят, — сказала она Фрейдис. — Передай ему мой привет, если однажды вернёшься домой.

При упоминании отца лицо Фрейдис на мгновение изменилось. Совсем немного — напряглась челюсть, взгляд стал жёстче.

— Передам, если представится случай.

— Каттегат рад гостям, которые чтят старых богов, — продолжила Хаакон. — Здесь вы найдёте убежище. Это единственное место, где наша вера может оставаться в безопасности.

Она произнесла это без торжественности, как простую истину. Но я почувствовала, что за этими словами стоит нечто большее, чем гостеприимство.

Фрейдис посмотрела на алтарь.

— Мне сказали, что здесь ещё помнят прежние обычаи.

— Помнят, — ответила Сигрун. — Но память требует заботы. Сама по себе она долго не живёт.

Наставница взяла щепоть сушёных трав и бросила в огонь. Дым стал гуще.

— Ты проделала долгий путь, дитя. Пусть земля Каттегата примет тебя, а боги услышат твою просьбу.

Фрейдис опустила голову. Я заметила, как крепко она сжимает пальцы. На миг мне показалось, что она хочет что-то сказать, но женщина промолчала.

Я не стала спрашивать. В её молчании было слишком много боли, чтобы вторгаться туда с любопытством.

Когда мы вернулись в поселение, день уже клонился к вечеру. Сигрун задержалась поговорить с Хаакон, а я отправилась домой, чтобы оставить там плащ и забрать небольшую шкатулку с амулетами наставницы.

По дороге мне встретился высокий молодой мужчина с рыжеватыми волосами. Он стоял возле одного из домов и разговаривал с двумя местными жителями. Его одежда была дорожной, но добротной, а меховая накидка выглядела так, будто пережила не одну бурю.

Я узнала его не сразу. Это был брат Фрейдис.

Он заметил меня, когда я проходила мимо, и на мгновение наши взгляды встретились. В его лице было что-то открытое, почти мальчишеское, хотя держался он настороженно. Он коротко кивнул. Я ответила тем же и пошла дальше.

— Постой.

Я обернулась.

Мужчина подошёл ко мне, оставив своих собеседников.

— Ты была со старой вёльвой? — спросил он на норвежском с заметным акцентом.

— С Сигрун.

— Она знает, где можно найти Хаакон?

— Если тебе нужно поговорить с ярлом, лучше обратиться к её людям.

Он кивнул, но не ушёл.

— Ты знаешь мою сестру?

— Сегодня познакомилась.

Его взгляд стал внимательнее.

— Она сказала что-нибудь?

— Нет. А должна была?

Мужчина будто хотел ответить, но передумал.

— Я Лейф.

— Фрейя.

— Красивое имя.

— Мне его дали задолго до того, как я научилась отвечать на комплименты.

Он улыбнулся, и на этот раз улыбка вышла искренней.

— Тогда не стану тратить твоё время.

— Разумное решение.

Я пошла дальше, чувствуя на спине его взгляд. В нём не было угрозы, только беспокойство. Так смотрят люди, которые боятся потерять кого-то, но ещё надеются, что всё обойдётся.

Я знала этот взгляд.

И потому не стала оборачиваться.

В следующие дни Каттегат изменился.

Гавань заполнилась чужими кораблями, в поселении стало больше вооружённых людей, а в большом зале почти ежедневно собирались те, чьи решения могли изменить судьбу многих. Я не присутствовала на их советах и не пыталась выяснить, о чём они говорят. Сигрун не любила, когда ученица суёт нос в дела ярла, а я давно усвоила, что любопытство порой обходится дороже золота.

Но последствия чужих решений всё равно достигали даже тех, кто держался в стороне.

Однажды я несла Сигрун корзину с травами, когда у кузницы увидела Лейфа. Он разговаривал с несколькими мужчинами, но разговор явно не ладился. Один из них, широкоплечий, с короткой бородой, толкнул его в грудь.

Лейф не отступил.

Я остановилась. Не из любопытства — просто дорога проходила рядом, и обойти их было негде.

— Ты сын Эрика Рыжего, — бросил широкоплечий. — Думал, мы не узнаем?

— Моего отца здесь нет, — ответил Лейф.

— Зато его поступки живут дольше него.

Один из мужчин шагнул ближе. Лейф сжал челюсть.

— Если бы я был похож на своего отца, вас бы здесь уже не было.

Ответ прозвучал спокойно, но в нём было достаточно угрозы, чтобы спор перестал быть словами.

Мужчина ударил первым.

Лейф увернулся, однако второй удар пришёлся ему в скулу. Завязалась короткая, яростная драка. Я не стала вмешиваться: вокруг уже собирались люди, и один из стражников торопился к ним. Вскоре нападавших оттащили.

Лейф выпрямился, сплюнул кровь на землю и провёл тыльной стороной ладони по губе.

— Ты цел? — спросил кто-то.

— Бывало хуже.

Он заметил меня. Я ожидала, что он отвернётся, но он лишь коротко кивнул.

— Фрейя.

— Лейф.

Я посмотрела на его рассечённую губу.

— Если не хочешь, чтобы она загноилась, промой её чистой водой.

— Это всё лечение?

— Могу добавить, чтобы ты не подставлял лицо под чужие кулаки. Но подозреваю, что ты не послушаешь.

Он усмехнулся, хотя улыбка вышла болезненной.

— Ты всегда так разговариваешь с ранеными?

— Только с теми, кто сам ищет неприятности.

— Тогда, боюсь, мы ещё увидимся.

— Надеюсь, не у моего порога.

Я продолжила путь. Позади послышались голоса, но я не стала прислушиваться. У каждого в Каттегате были свои счёты, и далеко не все из них касались меня.

Впрочем, я всё чаще замечала Фрейдис. Она держалась рядом с братом, но не всегда следовала за ним. В ней чувствовалась независимость, которую я уважала, хотя пока не понимала. Иногда она уходила одна, иногда разговаривала с местными женщинами, а однажды я увидела, как она остановилась возле святилища и долго смотрела на старые камни.

Она не выглядела человеком, который приехал сюда просто так.

Вечером Сигрун велела мне приготовить подношения для большого пира.

— Будет много людей, — сказала она, перебирая мешочки с травами. — И много взглядов, которые будут следить за каждым движением.

— Тогда, может быть, мне лучше остаться здесь?

— Нет.

— Я лишь предложила.

— А я лишь отказала.

Я вздохнула и принялась раскладывать сушёные веточки можжевельника.

— Что празднуют?

— Не всё, что собирает людей за одним столом, является праздником.

— Тогда что это?

Сигрун посмотрела на меня поверх корзины.

— Решения. Союзы. Обещания. Иногда — начало войны.

Я перестала перебирать травы.

— Кнут собирает войско?

— Ты задаёшь слишком много вопросов.

— Значит, я угадала.

— Значит, тебе пора научиться отличать догадку от знания.

Я ничего не ответила. Сигрун была права, и это раздражало ещё сильнее.

Позже, когда мы закончили приготовления, я достала из сундука небольшой мешочек, который всегда брала с собой в дни важных обрядов. Внутри лежал мой личный амулет — серебряная подвеска с изображением кошки. Я провела по ней пальцем и на мгновение закрыла глаза.

Фрейя, услышь меня.

Я не просила у богини славы или богатства. Не просила вернуть то, что море забрало у меня. Такие просьбы давно застревали где-то в горле.

Я просила лишь одного: не позволить мне забыть, кем я была до того, как боль стала частью моего имени.

Потом убрала амулет под одежду и поднялась.

— Готова? — спросила Сигрун.

— Нет.

— Хорошо. Значит, ещё не успела возгордиться.

Большой зал сиял огнями.

Пламя факелов отражалось на металлических кубках, на пряжках и браслетах, на лезвиях ножей, оставленных возле блюд. Вдоль стен стояли длинные столы, заставленные мясом, хлебом, рыбой и кувшинами с мёдом. Воздух был тяжёлым от дыма, запаха жареного мяса и множества людей, собравшихся под одной крышей.

Я вошла следом за Сигрун и заняла место неподалёку от неё. Моей задачей было следить за подношениями и помогать наставнице, если она понадобится кому-нибудь из гостей. Я не собиралась привлекать к себе внимание.

Однако в большом зале это было непросто.

За высоким столом сидел Кнут. Даже издалека в нём чувствовалась власть человека, привыкшего, что его слушают. Рядом находились Олаф и другие знатные воины. Я узнала Хаакон по её тёмному одеянию и прямой осанке.

Чуть поодаль я заметила Харальда Сигурдссона. Он выделялся среди остальных не только светлыми волосами и красивым лицом, но и манерой держаться. Казалось, он мог улыбнуться человеку так, что тот забывал, зачем пришёл, а через миг — произнести слова, после которых забыть их было уже невозможно.

Я не знала его лично и не собиралась знакомиться. Но даже со своего места видела, что он привык к вниманию.

Вскоре в зал вошёл Лейф. Его губа опухла после удара, но держался он так, словно недавняя драка не имела значения. Фрейдис появилась чуть позже вместе с другими гренландцами. Их остановили у входа.

Я увидела, как Фрейдис выпрямилась. Она не стала спорить со стражниками, но и не опустила головы. Лейф, напротив, попытался пройти дальше. Несколько слов, обмен взглядами — и он исчез среди людей, оставив сестру снаружи.

Мне не понравилось, как она на него посмотрела. В этом взгляде было раздражение, тревога и что-то ещё, чего я не могла определить.

— Не смотри так пристально, — тихо сказала Сигрун.

Я повернулась к ней.

— Я просто смотрю.

— Иногда это одно и то же, что вмешиваться.

Я отвела глаза.

Вскоре Кнут поднялся. Разговоры постепенно стихли. Он говорил о прошлом, о Рагнаре Лодброке и его сыновьях, о Лагерте, о славе и о том, что викинги слишком долго позволяли распрям между собой ослаблять их. Его слова были обращены к людям, собравшимся под крышей, но я видела, что каждый слышит в них что-то своё.

Он говорил о погибших в Англии, о резне и о необходимости ответить на неё. О единстве, которое должно быть сильнее старых обид.

Я слушала, наблюдая за лицами. Одни кивали, другие сохраняли непроницаемое выражение. Некоторые переглядывались, будто уже знали, к чему ведёт речь.

Когда Кнут закончил, зал ответил шумом голосов и поднятыми кубками.

Пир продолжился.

Я помогла Сигрун передать чашу Хаакон, а затем вернулась к своему месту. Наставница беседовала с одной из женщин, и я впервые за вечер позволила себе немного расслабиться.

Это оказалось ошибкой.

Среди общего шума раздался резкий крик.

Я обернулась.

У дальнего конца зала поднялся переполох. Люди вскочили с мест, кто-то опрокинул кубок, по полу растеклось тёмное пятно мёда. В центре происходящего стояла Фрейдис.

Рядом с ней лежал мужчина.

Я узнала Гуннара Магнуссона — одного из тех, кто прибыл с Олафом. Его тело было неподвижно, а на груди темнела кровь. Фрейдис держала в руке нож. Лицо её было бледным, но взгляд оставался твёрдым.

На мгновение зал словно перестал дышать.

Затем Олаф поднялся.

— Убийца!

Он рванулся к ней, но Хаакон оказалась быстрее. Ярл шагнула между ними, заслонив Фрейдис собой.

— Довольно! — её голос прорезал шум.

Олаф остановился, однако ярость на его лице не исчезла.

— Она убила моего человека!

— В моём доме, — ответила Хаакон, — никто не выносит приговор прежде, чем я выслушаю обвиняемого.

— Ты защищаешь убийцу?

— Я защищаю право говорить.

Фрейдис стояла неподвижно. Её пальцы сжимали рукоять ножа так крепко, что побелели костяшки. Она не пыталась бежать, не оправдывалась, не просила о пощаде.

Я сделала шаг вперёд, но Сигрун удержала меня за запястье.

— Не вмешивайся, — прошептала она.

Я посмотрела на наставницу. Её лицо было спокойным, но пальцы сжались сильнее.

— Она может погибнуть.

— Сейчас ей нужно, чтобы её услышали.

Хаакон повернулась к Фрейдис.

— Говори.

Фрейдис подняла голову. Слова давались ей тяжело, но она не отступила.

— Этот человек надругался надо мной. Он вырезал крест на моей спине. Я приехала сюда не ради войны и не ради чужой славы. Я приехала найти его.

В зале стало тише.

Олаф презрительно усмехнулся.

— Удобное оправдание для убийства.

— Я не оправдываюсь, — ответила Фрейдис. — Я говорю правду.

Харальд поднялся из-за стола. Он смотрел на неё без улыбки.

— Ты утверждаешь, что этот человек оставил на тебе знак?

Фрейдис кивнула.

— Покажи, — произнёс он.

Она замерла. На мгновение я подумала, что она откажется. Но затем Фрейдис повернулась к Хаакон, дождалась её короткого кивка и стянула с плеч часть одежды.

Я увидела шрам.

Крест был вырезан на коже грубо и глубоко. Даже издалека было ясно, что рана оставила след на всю жизнь.

В зале прокатился глухой ропот.

Харальд посмотрел на Олафа.

— Я верю ей.

Олаф резко повернулся к нему.

— Ты веришь словам женщины, которая только что перерезала горло человеку?

— Я верю тому, что вижу.

— Это ничего не доказывает.

— Тогда пусть Хаакон решит, что доказывает.

Хаакон не сводила глаз с Фрейдис. Я знала этот взгляд: ярл уже принимала решение, но не собиралась позволять никому торопить себя.

— Суд будет утром, — объявила она. — До тех пор Фрейдис останется под моей защитой.

Олаф сжал челюсти.

— Ты пожалеешь об этом.

— Возможно. Но это будет мой выбор, а не твой.

Стражники приблизились к Фрейдис. Она отдала нож без сопротивления и позволила им увести себя. Лейф, появившийся у края толпы, сделал шаг следом, но остановился, когда сестра взглянула на него.

В этом коротком взгляде было больше слов, чем я могла бы передать.

Зал медленно возвращался к жизни. Люди снова заговорили, но прежнего веселья уже не было. Музыканты молчали. Никто не спешил поднимать кубки.

Я смотрела на пятно крови у ног убитого и чувствовала, как холодеют пальцы.

— Пойдём, — сказала Сигрун.

Я не сразу отреагировала.

— Фрейя.

Наставница коснулась моего плеча. Я вздрогнула и повернулась к ней.

— Нам пора.

Я последовала за ней к выходу. На пороге обернулась в последний раз. Хаакон всё ещё стояла посреди зала, окружённая своими людьми. Олаф говорил что-то одному из воинов, Харальд смотрел вслед Фрейдис, а Лейф не сводил глаз с дверей, за которыми исчезла сестра.

Я подумала о том, как далеко иногда приходится идти, чтобы найти человека, которого ненавидишь. И о том, какую цену приходится платить, когда наконец находишь.

Снаружи дул холодный ветер. Я плотнее запахнула плащ и пошла рядом с Сигрун.

— Ты знала, что она приехала за этим человеком? — спросила я.

— Нет.

— А Хаакон?

— Не знаю.

Я помолчала.

— Она не похожа на убийцу.

Сигрун посмотрела на меня.

— А как, по-твоему, должны выглядеть убийцы?

Я не ответила. Перед глазами всё ещё стояла Фрейдис — бледная, с окровавленным ножом в руке и шрамом на спине, который она не позволила никому скрыть.

— Не всякая кровь делает человека чудовищем, — тихо произнесла наставница. — И не всякая невинность остаётся чистой после того, как её растоптали.

Мы продолжили путь в молчании.

Я знала, что утром в Каттегате состоится суд. Но этой ночью мне долго не удавалось уснуть. Ветер бился в ставни, огонь в очаге постепенно угасал, а перед глазами снова и снова возникал вырезанный на чужой коже крест.

Мне вспомнилось море.

Когда-то оно забрало у меня тех, кого я любила, и не оставило даже могилы, возле которой можно было бы оплакать их. Теперь оно привело в Каттегат женщину, которая пересекла его, чтобы встретиться лицом к лицу со своим прошлым.

Я не знала, что ждёт Фрейдис на рассвете.

Но впервые за долгое время мне захотелось, чтобы боги оказались милосердны.

Иногда чужая боль становится зеркалом, в котором мы узнаём собственную. И тогда уже невозможно отвернуться.

Глава четвёртая. "Дороги, начертанные богами"

«Иногда, чтобы обрести своё предназначение, приходится отпустить тех, кого сердце умоляет удержать».

Ночь отступала нехотя. Над морем ещё висела серая дымка, а крыши домов блестели от влаги. Ветер пробирался между постройками, трогал ставни и заставлял скрипеть вывески над дверями. В гавани уже перекликались рыбаки, слышался глухой стук молотков: кто-то чинил снасти, кто-то готовил корабль к отплытию.

Я почти не спала. Стоило закрыть глаза, как передо мной возникал вчерашний вечер: шум пира, напряжённые лица, кровь на полу и тишина, наступившая после того, как Фрейдис убила Гуннара.

Теперь ей предстояло ответить за содеянное.

Я поднялась, накинула на плечи шерстяную накидку и вышла к Сигрун.

Она уже сидела за столом, думая о чем-то своем. Седые косы были распущены и едва касались плеч, а на ней было надето одно лишь платье. Рядом стоял деревянный кубок с настоем, от которого поднимался терпкий травяной запах.

— Ты рано поднялась, — произнесла она, даже не поворачиваясь ко мне.

— А ты, как вижу, вовсе не ложилась.

Сигрун медленно посмотрела в мою сторону.

— Старость не всегда означает бессонницу. Иногда она означает привычку не тратить время на сон, когда его всё равно недостаточно.

Я невольно улыбнулась, но улыбка быстро исчезла.

— Сегодня решится судьба Фрейдис.

— Сегодня люди попытаются решить то, что уже произошло, — поправила Сигрун. — Это не одно и то же.

Я села напротив и начала раскладывать сушеные травы по небольшим мешочкам.

— Она не раскаивается, — сказала я.

— А ты уверена, что знаешь, в чём именно ей следовало бы раскаиваться?

Я замолчала.

— Она убила человека.

— Это я знаю. Но ты говоришь о ней так, будто убийство было единственным, что случилось в ту ночь.

Я опустила взгляд на свои руки.

— Я видела её спину. Видела следы, которые оставил Гуннар. И всё же кровь на полу никуда не исчезнет потому что мы знаем причину.

— Верно. Справедливость не должна быть слепой, но и милосердие не должно притворяться, будто ничего не случилось.

Сигрун отложила пучок сушёных листьев.

— Не пытайся сегодня решить за Хаакон, что будет правильно. Ты можешь слушать, можешь помнить, можешь говорить, если тебя спросят. Но не бери на себя чужой приговор.

Я кивнула. Сигрун умела напоминать мне о границах ответственности лучше, чем кто-либо другой.

К залу Хаакон мы направились, когда солнце уже поднялось над крышами.

У входа собрались люди. Одни пришли из любопытства, другие — потому что считали случившееся угрозой порядку в Каттегате. Среди них были и те, кто сочувствовал Фрейдис, хотя не каждый решался сказать об этом вслух.

Разговоры стихали, когда появлялись знакомые лица.

Я замечала тревогу, недоверие, злость. Вчерашняя смерть уже успела обрасти слухами. Кто-то утверждал, что Фрейдис убила Гуннара из ненависти к христианам. Другие говорили, что она защищала собственную честь. Некоторые предпочитали не вспоминать о том, что именно сделал с ней погибший.

Внутри зала было прохладно. Пламя факелов дрожало на стенах, освещая резные столбы и лица собравшихся. Хаакон сидела на своём месте. Она оставалась спокойной.

Фрейдис стояла перед ней.

Она была бледна, однако держалась прямо. На её лице не было ни покорности, ни просьбы о жалости. Лейф находился неподалёку. Его взгляд неотступно следил за сестрой, и всякий раз, когда кто-то повышал голос, его плечи напрягались.

Олаф стоял среди своих людей. Он выглядел собранным и уверенным. Человек, привыкший приказывать, редко забывает об этом даже тогда, когда оказывается перед судом чужого ярла.

Хаакон подняла руку, и разговоры смолкли.

— Фрейдис Эриксдоттир, — произнесла она. — Ты обвиняешься в убийстве Гуннара Магнуссона. Ты признаёшь, что лишила его жизни?

— Признаю.

Её голос прозвучал ровно.

— Почему ты это сделала?

Фрейдис не сразу ответила. Я заметила, как она сжала пальцы, словно удерживала в них нечто невидимое.

— Потому что он надругался надо мной, — сказала она наконец. — Он причинил мне боль и оставил на моей спине знак, которым хотел унизить меня. Он думал, что может распоряжаться моим телом и моей жизнью. Я не позволила ему сделать это снова.

В зале послышался ропот.

— Ты говоришь о том, чего никто не может подтвердить, — резко произнёс Олаф.

Фрейдис повернула к нему голову.

— Ты знаешь, что это правда.

— Я знаю лишь, что ты убила человека, который служил мне.

— И этого тебе достаточно, чтобы закрыть глаза на всё остальное?

Олаф сделал шаг вперёд.

— Ты обвиняешь меня?

— Я обвиняю того, кто это сделал. Если тебе неприятно слышать правду, то я ничего не могу с этим сделать.

Лейф чуть подался вперёд, но Хаакон остановила его одним взглядом.

— Фрейдис, — сказала ярл. — Ты говоришь, что он оставил на тебе знак. Покажи его.

На мгновение мне показалось, что Фрейдис откажется. Но она расправила плечи, повернулась спиной к собравшимся и подняла одежду, чтобы стали видны следы на коже.

В зале воцарилась тишина.

Я не стала смотреть на Олафа. Мне хватило того, как изменились лица людей вокруг. Даже те, кто до этого перешёптывался, теперь молчали.

Фрейдис снова поправила одежду.

— Я не прошу вас жалеть меня, — произнесла она. — Я прошу не делать вид, будто этого не было.

Хаакон долго смотрела на неё.

— Ты убила Гуннара. Но ты утверждаешь, что он заслужил смерть. Готова ли ты доказать свою правоту перед богами и людьми?

— Готова.

Фрейдис повернулась к Олафу.

— Пусть он выйдет против меня. Пусть сам ответит за то, что сделал.

Олаф не шелохнулся.

— Я не стану тратить время на поединок с женщиной, обвиняемой в убийстве.

— Значит, ты отказываешься?

— Я не обязан принимать твои условия.

Фрейдис усмехнулась, но в этой усмешке не было веселья.

— Ты охотно говоришь о чести, когда за тебя сражаются другие.

— Довольно, — произнесла Хаакон.

Её голос не был громким, но спор оборвался.

— Это мой зал, и здесь не будет ни самосуда, ни представления для толпы. Я выслушала обвиняемую. Я увидела то, что она показала. И я услышала отказ человека, который мог бы ответить на её вызов.

Олаф шагнул вперёд.

— Ты не можешь просто отпустить её. Она убила моего человека.

— Я не собираюсь отдавать её тебе, — спокойно ответила Хаакон.

— Тогда ты бросаешь вызов моему праву.

— Я защищаю порядок в собственном городе. И не позволю, чтобы чужая месть стала законом Каттегата.

Хаакон поднялась.

— Фрейдис останется под моей защитой. Её дальнейшая судьба будет решена здесь, а не по твоему требованию, Олаф.

Олаф сжал челюсти. На его лице промелькнуло раздражение, но спорить дальше он не стал.

Фрейдис не поблагодарила Хаакон. Ярл не объявила её невиновной. Она лишь отказалась отдать её человеку, который не имел права распоряжаться её судьбой.

После суда люди выходили из зала медленно, продолжая обсуждать услышанное.

Я задержалась возле колонны, пропуская тех, кто спешил наружу. Лейф подошёл к сестре и остановился рядом. Он ничего не сказал, только положил руку ей на плечо.

Фрейдис на мгновение прикрыла глаза.

Я отвела взгляд. Некоторые слова и жесты принадлежат только тем, кто их разделяет.

— Ты всё ещё думаешь, что справедливость должна быть простой? — спросила Сигрун, оказавшаяся рядом.

— Нет. Но мне хотелось бы, чтобы она хотя бы иногда была понятной.

— Тогда тебе придётся разочароваться в людях.

— Я давно перестала ожидать от них совершенства.

Сигрун тихо усмехнулась.

— Хорошо. Это избавит тебя от многих ненужных разочарований.

Мы вышли наружу. Солнце поднялось выше, но ветер оставался холодным. У гавани уже готовили корабли. Люди переносили припасы, проверяли канаты и спорили о том, как лучше разместить груз.

Кнут собирался отправить войско в Англию. После гибели Гуннара в его отряде освободилось место, и Харальд, по-видимому, уже нашёл ему применение.

Я увидела их неподалёку от причала. Харальд говорил с Лейфом. Между ними не было той осторожности, которая бывает у едва знакомых людей. Они уже знали друг друга, и разговор, судя по выражению лиц, был деловым.

Я не слышала всех слов, но заметила, как Харальд указал в сторону кораблей, а затем посмотрел на Лейфа.

Позже, когда Сигрун отошла поговорить с одним из служителей, я увидела Фрейдис возле склада. Она стояла напротив брата. Лейф что-то говорил ей, и по его лицу было понятно: решение далось ему нелегко.

Я не стала приближаться.

Через некоторое время Лейф ушёл, а Фрейдис осталась стоять на месте. Она смотрела ему вслед, пока толпа не скрыла его из виду.

Тогда я подошла.

— Ты знаешь, что он решил? — спросила она, не поворачиваясь ко мне.

— Я видела, что он говорил с Харальдом. Но не знаю, о чём именно.

Фрейдис посмотрела на меня.

— Лейф отправится в Англию. Харальд предложил ему место в походе вместо Гуннара.

Я промолчала, ожидая продолжения.

— Его служба будет принята в счёт моего выкупа, — добавила она. — Таково условие.

— Ты не хочешь, чтобы он уходил.

— Он мой брат. Я не хочу, чтобы он рисковал жизнью ради меня.

— Но он уже принял решение?

Фрейдис кивнула.

— Да. И теперь мне остаётся только позволить ему поступить так, как он считает правильным.

Она произнесла это твёрдо, но пальцы её дрожали.

— Иногда любовь заставляет нас принимать решения, которые причиняют боль, — сказала я.

— А иногда заставляет других решать за нас.

— Ты считаешь, что Лейф решил за тебя?

— Нет. Он решил за себя. Просто я не могу заставить его остаться.

В её словах не было упрёка. Только усталость.

Я посмотрела в сторону гавани. Там уже поднимали паруса, проверяли крепления и перекладывали мешки с провизией. Скоро корабли должны были покинуть Каттегат.

— Ты поедешь с ним? — спросила я.

Фрейдис покачала головой.

— Нет. Я останусь здесь.

Она не добавила ничего больше, и я не стала расспрашивать.

К вечеру гавань наполнилась голосами.

Воины готовились к отплытию. Кто-то смеялся, кто-то проверял оружие, кто-то прощался с близкими. На пристани пахло смолой, мокрой древесиной, рыбой и дымом. Чайки кружили над кораблями, время от времени оглашая воздух резкими криками.

Я стояла чуть в стороне, наблюдая за приготовлениями.

Лейф уже был среди людей Харальда. Он проверял снаряжение и помогал переносить припасы. Его движения оставались спокойными, но я замечала, как часто он смотрел в сторону берега.

Фрейдис пришла проводить его.

Они встретились у самого края пристани. Я не подошла ближе. Видела, как Лейф взял сестру за плечи, как она обняла его и прижалась щекой к его груди. Они говорили, но ветер уносил слова, и я не пыталась их разобрать.

Наконец Лейф отстранился. Он коснулся лбом её лба, а затем направился к кораблю.

Фрейдис осталась на берегу.

Я видела, как она следила за ним, пока он не поднялся на борт. Потом корабельщики начали отталкивать судно от пристани. Вода зашумела под вёслами, парус медленно расправился под ветром.

Лейф не обернулся сразу. Но когда корабль отошёл достаточно далеко, он всё же повернул голову.

Фрейдис подняла руку.

Он ответил тем же жестом.

Я смотрела на уходящие корабли, пока они не стали тёмными силуэтами на фоне воды. Потом отвернулась и пошла обратно в город.

Фрейдис ещё долго оставалась в Каттегате.

После ухода Лейфа я несколько раз видела её возле дома Хаакон. Она не искала общества и не пыталась привлечь к себе внимание. Порой казалось, что она сама ещё не решила, чего хочет от будущего.

Одним вечером я застала её у внутреннего двора. Она сидела на деревянной скамье, глядя на свои ладони.

— Ты собираешься всё время смотреть на них? — спросила я.

Фрейдис подняла голову.

— На что?

— На свои руки. Будто надеешься найти там ответ.

Она слабо улыбнулась.

— А ты никогда не пыталась?

— Пыталась. Но мои руки обычно заняты чем-нибудь более полезным.

Она тихо рассмеялась. Это был первый раз после суда, когда я услышала от неё настоящий смех.

— Хаакон говорила со мной, — произнесла она спустя некоторое время. — Она считает, что мне следует отправиться в Уппсалу.

Я села рядом.

— В святилище?

— Да. Она сказала, что там я смогу найти ответы на вопросы, которые не дают мне покоя. Или хотя бы понять, какие вопросы стоит задавать.

— А ты хочешь ехать?

Фрейдис долго смотрела перед собой.

— Я не знаю, что меня ждёт там. Но здесь я тоже не найду того, что ищу.

— Тогда, возможно, стоит попробовать.

— Ты не станешь говорить, что боги уже выбрали мой путь?

— Нет. Я не знаю, что выбрали боги. И не уверена, что они всегда считают нужным сообщать нам о своих решениях.

Фрейдис посмотрела на меня с лёгким удивлением.

— Ты говоришь как вёльва.

— А ты ожидала услышать от меня речь торговки, я ученица Сигрун, - пожалая я плечами.

Она улыбнулась, но вскоре снова стала серьёзной.

— Я поеду в Уппсалу.

В её голосе впервые за долгое время прозвучала не только боль, но и решимость.

— Тогда это будет твой выбор, — сказала я.

— Мой.

Я кивнула.

В ту ночь я долго не могла уснуть.

Ветер завывал за окном, а пламя очага постепенно угасало. Я сидела возле постели и смотрела на маленький ларец, стоявший у стены.

Внутри лежали две деревянные птицы.

Одну когда-то вырезал мой отец. Другую — Эйрик для нашего сына.

Я достала их и положила на ладонь. Дерево потемнело от времени, края стали гладкими от прикосновений. Я помнила руки отца. Помнила, как он называл меня своей маленькой птичкой. Помнила голос Эйрика, его спокойный смех и то, как он держал сына, когда тот засыпал у него на руках.

Я закрыла глаза, но тут же увидела море — тёмное, неспокойное. Волны поднимались над кораблём, ветер рвал парус. Две фигуры исчезали под водой.

Я резко открыла глаза.

Положила птиц обратно в ларец и закрыла крышку. Воспоминание не исчезло, но я больше не позволяла ему удерживать меня возле себя.

Мой муж и сын пропали в море. Я не видела их тел, но уже почти год жила с мыслью, что никогда больше не услышу их голосов.

На следующий день я отправилась к святилищу.

Небо было ясным, но ветер оставался холодным. Деревья вокруг священного места тихо шумели, а на земле лежали влажные листья. Я принесла небольшое подношение и остановилась перед изображениями богов.

Я не просила изменить прошлое. Мне хотелось лишь найти силы продолжать жить, не отворачиваясь от того, что ещё ждёт впереди.

Я закрыла глаза.

— Если вы слышите меня, — прошептала я, — не обязательно отвечать. Но дайте мне силы не отвернуться от своего пути.

Ветер коснулся моего лица.

Когда я открыла глаза, у подножия деревянного столба лежало чёрное перо ворона. Оно было мокрым от росы и слегка дрожало от ветра.

Я подняла его.

На мгновение мне показалось, что за деревьями кто-то стоит. Я повернула голову, но увидела лишь пустую тропу и тени ветвей.

Перо не было ответом. По крайней мере, я не могла знать этого наверняка.

Я осторожно положила его рядом с подношением.

Затем повернулась к дороге и пошла домой.

Впереди ещё многое могло измениться. Но пока мне предстояло лишь сделать следующий шаг.

Глава пятая. «Испытание веры»

«Не всякий путь выбирают сердцем. Иногда судьба открывает дверь, в которую ты никогда не собирался входить».

Прошло несколько дней с тех пор, как корабли ушли из гавани Каттегата.

Я видела их отплытие с берега. Сначала паруса казались белыми птицами над серой водой, затем превратились в узкие полосы и наконец исчезли за линией горизонта. Среди тех, кто отправился в Англию, был Лейф Эрикссон. Он шёл туда не только ради похода. На его плечах лежала судьба сестры, и я надеялась, что ему хватит сил вернуться обратно.

Фрейдис осталась в Каттегате. Я знала, что она не собирается задерживаться здесь надолго: Хаакон говорила с ней об Уппсале, и, судя по тому, как грендландка держалась в последние дни, решение уже было принято. Но пока она ещё была еще здесь.

Город постепенно привыкал к отсутствию чужеземного войска. Гавань снова наполнилась привычным шумом: рыбаки чинили сети, торговцы спорили о цене соли, женщины несли корзины с рыбой и дровами. Лишь разговоры об Англии не стихали. Мужчины обсуждали укрепления на Темзе, возможные сражения и богатства, которые можно было привезти обратно. Женщины чаще говорили о тех, кто не вернётся.

Я старалась не прислушиваться к последним словам.

В доме Сигрун дни шли размеренно. Мы сушили травы, перебирали коренья, готовили настои и принимали тех, кто приходил за советом или лекарством. Иногда Сигрун позволяла мне самой отвечать на вопросы посетителей, а затем спрашивала, почему я выбрала именно такие слова.

— Ты слишком часто пытаешься смягчить правду, — заметила она однажды, когда мы раскладывали листья тысячелистника на полотне.

— Разве это плохо?

— Зависит от того, кому ты её говоришь. Одному человеку нужна мягкость. Другому — ясность. А третьему не поможет ни то ни другое.

Я усмехнулась.

— Значит, мне ещё долго учиться.

— Если бы ты решила, что уже всему научилась, я бы беспокоилась.

Сигрун произнесла это без улыбки, но я заметила, как дрогнули уголки её губ.

Утро выдалось холодным. Ветер тянул с моря сыростью, и над крышами домов висела тонкая пелена тумана. Я принесла в дом корзину с корнями дягиля и поставила её возле очага. Сигрун сидела у стола, рассматривая несколько небольших дощечек с вырезанными знаками.

— Сегодня у нас будут гости, — сказала она, не поднимая головы.

— Кто-то заболел?

— Нет. Придет человек, которому нужны ответы.

Я посмотрела на неё внимательнее.

— Ты знаешь, кто это?

— Знаю.

Она наконец подняла глаза.

— Харальд Сигурдссон.

Я слышала это имя достаточно часто, чтобы не переспрашивать. Принц, который собирал людей для похода в Англию. Человек, сумевший говорить с воинами разных религий и заставить их хотя бы на время забыть о разногласиях. О нём рассказывали по-разному: одни восхищались его смелостью, другие считали слишком честолюбивым. Я видела его на пиру, но тогда он был далеко, среди знатных гостей. Мы с ним не разговаривали.

— Он всё ещё здесь? — спросила я.

— Как видишь, — ответила Сигрун. — Не всякий, кто собирается в путь, сразу покидает берег.

— И что ему нужно от тебя?

— Скоро узнаешь.

Я не стала настаивать. Сигрун не любила, когда её торопили, особенно если речь шла о чужих намерениях.

Я отнесла корзину в кладовую и вернулась к столу. Мы успели перебрать лишь часть трав, когда за дверью послышались голоса. Один принадлежал нашему знакомому стражнику, другой был ниже и звучал уверенно.

Сигрун выпрямилась.

— Впусти их.

Я как раз несла к очагу небольшой глиняный сосуд. Дверь открылась, впуская порыв холодного воздуха, и на пороге появились двое мужчин.

Первого я узнала сразу. Харальд был высок, широкоплеч, с волосами, убранными назад. На нём был тёмный плащ, застёгнутый у плеча, а на поясе висел меч. Он выглядел так, словно привык, что перед ним расступаются, и не видел причины сомневаться в этом.

Второй мужчина был старше, держался сдержаннее. Его взгляд быстро скользнул по комнате, отмечая всё, что могло иметь значение. Это был Кнут.

— Сигрун, — произнёс Харальд, приветствуя хозяйку. — Надеюсь, мы не помешали.

— Если бы помешали, сейчас бы вы так спокойно здесь не стояли, — ответила она.

Кнут едва заметно улыбнулся.

Я стояла у очага, ожидая, пока гости пройдут к столу. Глиняный сосуд был горячим, и я осторожно перехватила его через сложенную ткань.

Харальд скользнул по мне взглядом.

— Девушка, принеси воды.

Я не сразу поняла, что он обращается ко мне.

— Вода стоит у двери, — ответила я.

Он посмотрел на меня ещё раз, теперь внимательнее.

— Я сказал принести.

— А я сказала, где она стоит.

Кнут отвёл взгляд, будто внезапно заинтересовался узором на деревянной стене. Сигрун не произнесла ни слова.

Харальд нахмурился.

— Ты всегда так разговариваешь с теми, кто старше тебя по положению?

— Только с теми, кто считает, будто возраст и титул даёт им право распоряжаться незнакомыми людьми.

Его лицо стало жёстче.

— Я не собираюсь спорить с рабыней.

Я замерла. На мгновение мне показалось, что холодный воздух из открытой двери коснулся не кожи, а самого сердца.

— Тогда тебе следовало бы сначала узнать, кто перед тобой, — ответила я.

— Хватит, — спокойно произнесла Сигрун.

Она не повысила голоса, но в комнате сразу стало тихо.

— Это Фрейя. Она живёт в моём доме и учится у меня. Она не рабыня.

Харальд перевёл взгляд на Сигрун.

— Твоя ученица?

— Моя помощница. И вёльва, если тебе угодно знать больше, чем тебе положено, Харальд Сигурдссон.

На мгновение я почувствовала, как внутри поднимается старая, знакомая тяжесть. Одно слово не могло вернуть меня в прошлое, но иногда достаточно было чужого тона, чтобы память напомнила о цепях, которые давно сняли с моих рук.

Я поставила сосуд на стол чуть резче, чем собиралась.

— Воду вы можете взять сами, — сказала я и отошла к полкам.

Харальд проводил меня взглядом. Я не стала оборачиваться.

— У тебя необычная ученица, — заметил он.

— У меня ученица, которая умеет отвечать за свои слова и поступки, — отозвалась Сигрун. — Это полезное качество.

— Не сомневаюсь.

В его голосе слышалось раздражение. Я сделала вид, что занята травами.

Кнут тем временем снял перчатки и положил их на стол.

— Мы пришли не ради споров, — сказал он. — Нам нужен совет.

— Тогда садитесь, — ответила Сигрун.

Они заняли места у очага. Я осталась в дальней части комнаты, продолжая работу. Сигрун не просила меня уйти, и я не собиралась делать вид, будто не слышу разговора.

— Корабли скоро снова будут готовы к выходу, — начал Харальд. — Люди собраны, но путь в Англию не будет простым. Мы знаем, что Темза защищена. Нам придётся искать другой способ добраться до цели.

— И ты хочешь знать, что ждёт вас там? — спросила Сигрун.

— Я хочу знать, стоит ли идти.

Сигрун посмотрела на него так, словно взвешивала не слова, а то, что скрывалось за ними.

— Если ты пришёл за обещанием победы, то ошибся дверью.

— Я не прошу обещаний, вельва Каттегата. Я прошу совет.

— Все говорят так, пока не услышат то, чего не желают.

Кнут сложил руки на столе.

— Нам нужен человек, который сможет истолковывать знаки, если они появятся. Тот, кто знает обычаи и богов этого края. В походе будут люди разных вер и религий, и нам не помешает тот, кто умеет смотреть дальше ближайшего берега.

— Вёльва, — сказала Сигрун.

— Именно.

— Я не пойду.

Харальд посмотрел на неё.

— Я и не собирался просить тебя покинуть Каттегат.

— Тогда ты уже получил ответ на свой вопрос, — пожала плечами старая вёльва.

Сигрун повернулась ко мне.

— Но у меня есть ученица.

Я замерла с пучком сушёной мяты в руках.

— Нет, — произнесла я прежде, чем успела подумать.

Харальд приподнял бровь.

— Она хотя бы умеет слушать?

— Иногда, — ответила Сигрун. — Особенно когда не согласна.

Кнут посмотрел на меня с нескрываемым интересом.

— Ты предлагаешь её?

— Да.

Харальд откинулся на спинку стула.

— Она слишком молода.

— Ей двадцать пять лет, — сказала Сигрун. — И она обучалась не для того, чтобы всю жизнь оставаться возле моего очага.

— Возраст не делает человека вёльвой.

— Верно. Как и громкий голос не делает человека вождём.

Кнут тихо кашлянул, скрывая улыбку. Харальд бросил на него короткий взгляд.

— Ты уверена в её даре? — спросил он у Сигрун.

— Я уверена в том, что она умеет не выдавать желаемое за увиденное. Это важнее, чем способность произнести красивое предсказание.

— А если она увидит не то?

— Тогда ей придётся истолковать увиденное. Так же, как и любому другому.

Я положила травы на стол.

— Вы говорите обо мне так, словно меня здесь нет.

Сигрун повернулась ко мне.

— Тогда подойди и скажи сама.

Я подошла к столу. Харальд смотрел на меня с тем же выражением, с каким смотрят на человека, который уже успел доставить неприятности, но ещё не решил, насколько серьёзные.

— Я не обещаю, что пойду, — сказала я.

— От тебя никто не требует обещаний, — ответила Сигрун.

— Пока не требует, — заметила я.

Харальд чуть наклонил голову.

— Ты всегда так недоверчива?

— Не всегда. Только когда незнакомцы решают мою судьбу за меня.

— Я ничего за тебя не решал, — кажется он начал терять терпение.

— Тогда мы оба можем быть спокойны.

Кнут посмотрел на Сигрун.

— Кажется, мы нашли человека, который не станет соглашаться со всем, что скажет принц.

— Это не самое плохое качество для того, кто собирается сопровождать войско, — ответила Сигрун.

Харальд не улыбнулся.

— Нам нужен не спорщик, а вёльва.

— Тогда тебе придётся научиться различать одно и другое, — сказала я.

Сигрун подняла ладонь, останавливая нас обоих.

— Фрейя. Харальд. Довольно.

Она повернулась ко мне.

— Ты не обязана отвечать сейчас. Выслушай, что от тебя потребуется, а потом решай.

Я кивнула.

Сигрун объяснила, что в походе мне придётся сопровождать людей, наблюдать за знаками, проводить обряды, если в них возникнет нужда, и давать советы тем, кто обратится ко мне. Иногда люди будут ждать от меня ответа, которого я не смогу дать. Иногда будут обвинять в том, что предсказание оказалось неверным, хотя я не обещала им определённого исхода.

— Я не могу управлять тем, что мне открывается, — сказала я. — И не могу заставить богов говорить тогда, когда этого хотят люди.

— Я знаю, — ответил Кнут.

— А ты? — спросила я Харальда.

Он выдержал мой взгляд.

— Мне нужен совет, а не чудо.

Это был первый его ответ, который не вызвал у меня раздражение.

— Тогда, возможно, мы сможем договориться, — сказала я.

— Возможно, — повторил он.

Сигрун дала понять, что разговор окончен. Харальд поднялся первым. Кнут поблагодарил её за приём и направился к двери.

У порога Харальд задержался.

— Если решишь отправиться с нами, тебе придётся привыкнуть к тому, что не каждый станет терпеливо выслушивать твои ответы.

— А тебе, возможно, придётся привыкнуть к тому, что не каждый ответ будет тебе по нраву.

Он посмотрел на меня долгим взглядом.

— Это я уже понял.

Дверь закрылась за ними.

Я выдохнула и только тогда заметила, как сильно сжала пальцы.

— Ты могла бы быть чуть приветливее, — сказала Сигрун.

— Могла бы. Но не захотела.

— Я заметила.

Она вернулась к своим дощечкам, словно ничего особенного не произошло.

— Ты действительно хочешь отправить меня с ними? — спросила я.

— Я хочу, чтобы ты сама решила, готова ли идти.

— Ты знаешь, что Англия — не просто земля за морем.

Сигрун отложила дощечку.

— Знаю.

Я подошла к очагу. Дрова осели, и из-под золы поднялись красные искры.

— Я почти не помню ее. Иногда мне кажется, что я помню запах дождя на земле, голос матери, руки отца. Но это обрывки. А потом я вспоминаю, что было после. Людей, которые забрали меня. Дорогу. Чужой дом. Годы, которые я не хочу возвращать.

Слова давались нелегко. Я нечасто говорила об этом вслух, хотя Сигрун знала мою историю.

— Я боюсь не самой Англии, — продолжила я. — Боюсь, что, вернувшись, снова стану той девочкой, которая ничего не могла изменить.

Сигрун подошла ближе и положила ладонь мне на плечо.

— Ты не та девочка.

— Иногда мне трудно в это поверить.

— Тогда вспомни, сколько решений ты приняла сама с тех пор. Ты выжила. Ты научилась. Ты выбрала, кому доверять. Ты построила жизнь, которой у тебя не было прежде. Никто не может отнять у тебя это, даже если ты снова увидишь места, где всё началось.

Я опустила глаза.

— А если я не захочу идти?

— Останешься здесь. Я не стану считать тебя слабой.

— А если захочу?

— Тогда пойдёшь не ради Харальда и не ради его войска. Пойдёшь потому, что сама приняла решение.

Я посмотрела на неё.

— Ты думаешь, я должна согласиться?

— Я думаю, что ты должна перестать искать в моих словах разрешение на собственную жизнь.

Я невольно улыбнулась.

— Ты умеешь утешать.

— Я не утешаю. Я напоминаю.

Мы долго молчали. За дверью кто-то прошёл по настилу, послышались голоса, затем всё стихло.

Я думала об Англии. О земле, где родилась. О матери, чьего лица почти не помнила. Об отце, который пах древесной стружкой и называл меня своей маленькой птичкой. О море, забравшем Эйрика и нашего сына. Я не знала, что ждёт меня за проливом, и не хотела искать в этом обещание или наказание.

Но, возможно, именно поэтому мне следовало поехать.

— Я согласна, — сказала я наконец.

Сигрун не улыбнулась и не стала поздравлять меня.

— Тогда завтра мы поговорим о посвящении.

Я посмотрела на неё.

— Ты считаешь, что оно необходимо?

— Ты отправишься не как моя помощница. Ты отправишься как вёльва, которая отвечает за собственные слова и поступки. Люди должны знать, кто ты. И ты сама должна принять это перед богами.

Священное место находилось за пределами поселения, там, где лес подступал к каменистому склону. Дорога к нему была узкой, утоптанной ногами тех, кто приходил сюда с просьбами и подношениями. Между деревьями стояли старые камни, покрытые мхом. Ветер шевелил ветви, и откуда-то доносился крик ворона.

В день посвящения небо было ясным, но холодным. На рассвете застыл лёгкий иней, и трава серебрилась под ногами. Я надела простое шерстяное платье, поверх него — тёмный плащ. Волосы заплела в две косы и скрепила кожаными ремешками. На груди под одеждой лежал мой серебряный амулет с кошкой.

Сигрун шла впереди, опираясь на посох. За ней следовали две женщины, помогавшие ей при обрядах. Фрейдис пришла чуть позже. На ней был дорожный плащ, а волосы были убраны так, чтобы не мешать в пути.

— Я рада, что ты пришла, — сказала я.

— Я не пропустила бы этого, — ответила она. — Сигрун сказала, что сегодня ты перестанешь быть только её ученицей.

— Я всё ещё буду считать себя ею.

— Разумеется. Думаю, она никогда не позволит тебе забыть об этом.

Мы улыбнулись друг другу.

Фрейдис выглядела спокойнее, чем в первые дни после суда, но в её взгляде всё ещё жила настороженность. Она собиралась в Уппсалу, и я понимала, что этот путь для неё не менее важен, чем мой путь в Англию.

У жертвенника уже собрались женщины. Я узнала нескольких: они приходили к Сигрун за советом, приносили подношения, помогали в дни больших обрядов. Но были и незнакомые мне лица. Три женщины стояли чуть поодаль от остальных. Их одежда была добротной, украшения — сдержанными, а в движениях чувствовалась привычка к тому, что их слушают.

Самая старшая опиралась на резной посох. Её седые волосы были собраны под тёмным платком, на шее висели костяные и бронзовые подвески. Она смотрела на меня не очень приветливо.

Сигрун заметила её взгляд, но ничего не сказала.

— Мы можем начинать? — спросила одна из помощниц.

Старшая женщина шагнула вперёд.

— Прежде чем начнётся обряд, я хочу знать, зачем мы собрались.

Сигрун повернулась к ней.

— Ты знаешь зачем, Рагнхильд.

— Я знаю, что ты собираешься назвать эту девушку вёльвой. И не считаю, что мы должны молчать.

Тишина на поляне стала плотнее.

Я посмотрела на Сигрун. Та стояла спокойно, опираясь на посох.

— Говори, — произнесла она.

Рагнхильд перевела взгляд на меня.

— Сколько времени она обучалась у тебя?

— Достаточно, чтобы понимать основы сейд, — ответила Сигрун.

— Это не ответ.

— Около года у Аслауг, затем ещё несколько лет у меня.

— И ты считаешь этого достаточно?

— Я считаю, что годы сами по себе не делают человека мудрым.

Одна из женщин за спиной Рагнхильд тихо усмехнулась.

— Удобное объяснение, когда ученица не принадлежит к твоему роду и не прошла должного служения при святилище.

Я почувствовала, как напряглись плечи. Слова были сказаны не громко, но так, чтобы их услышали все.

— Моё происхождение здесь при чём? — спросила я.

Рагнхильд посмотрела на меня.

— Вёльва не должна быть просто женщиной, которой однажды приснился странный сон. Её дар должен быть испытан. Её знание — проверено. Её верность богам — не вызывать сомнений.

— Ты считаешь, что я неверна богам?

— Я считаю, что ты ещё не доказала этого на практике.

Сигрун шагнула вперёд.

— Фрейя не обязана доказывать тебе то, чего ты не пожелала увидеть.

— Я говорю не только за себя, — резко ответила Рагнхильд. — Мы все отвечаем за то, кого называем служителями старой веры. Если она ошибётся, люди будут винить не только её. Они станут говорить, что вёльвы обманывают их, что наши обряды — пустые слова. Ты готова принять такую ответственность, Сигрун?

— Я принимаю её каждый день.

— Тогда почему отправляешь ученицу за море? — Рагнхильд указала посохом в сторону поселения. — Вслед за войском, которое несёт смерть? Или боишься, что однажды она займёт твоё место здесь?

Я увидела, как изменилось лицо Сигрун. Не от страха и не от гнева — скорее, от усталости человека, которому приходится слышать слишком старые обвинения.

— Ты ошибаешься, если думаешь, что я держу её возле себя ради собственной выго, — произнесла она.

— А ты ошибаешься, если думаешь, что одной твоей уверенности достаточно для всех нас.

Я уже хотела ответить, но Рагнхильд продолжила:

— И ещё одно. Мы знаем, что девушка собирается в Англию с принцем Харальдом. Неужели теперь достаточно отправиться за военачальником, чтобы получить право называться вёльвой?

На этот раз никто не усмехнулся. Женщины переглянулись, и я поняла, что подобные разговоры уже ходили среди них.

Мне стало жарко, хотя холодный ветер пробирался под плащ.

— Ты говоришь так, словно я сама попросилась в его свиту, — сказала я.

— Разве нет?

— Нет. Он пришёл к Сигрун за советом. Она предложила меня. Я выслушала его и решила сама.

— И что же заставило тебя согласиться? — спросила Рагнхильд. — Желание служить богам или надежда на близость к принцу?

Я почувствовала, как кровь прилила к лицу.

Фрейдис сделала шаг вперёд.

— Осторожнее со словами.

Я коснулась её руки.

— Не нужно.

Она посмотрела на меня, но отступила.

Я снова повернулась к Рагнхильд.

— Я не прошу вас верить мне. Но не смейте решать, ради кого я приняла этот путь.

— Красивые слова, — ответила та. — Но они ничего не доказывают.

— Тогда судите по моим поступкам.

Я посмотрела на Сигрун. Она не вмешивалась. Её лицо оставалось непроницаемым, но я поняла, что именно этого она и ждёт от меня: не очередного взгляда в её сторону, не просьбы защитить, а собственного ответа.

Я снова повернулась к женщинам.

— Я не знаю, что увидит мой дар завтра или через месяц. Я не могу вызвать видение по приказу и не могу заставить богов отвечать на вопросы людей. Иногда мне открывается лишь часть того, что должно произойти. Иногда я понимаю увиденное слишком поздно. Я могу ошибиться.

Рагнхильд прищурилась.

— И ты называешь себя вёльвой?

— Я называю себя ученицей, которая готова принять ответственность за свой дар. Я не обещаю вам, что буду делать все правильно. Ни один человек не вправе обещать такое от имени богов.

— А если твоё видение приведёт людей к гибели?

— Тогда мне придётся отвечать за то, что я сказала и как поступила. Но я не стану лгать, чтобы избежать чужого гнева.

— Ты говоришь о правде так, словно она всегда тебе известна.

— Нет. Я говорю о том, что не стану выдавать незнание за истину.

Слова повисли между нами.

Я заметила, что одна из младших женщин смотрит на меня уже не с подозрением, а с задумчивостью. Другая по-прежнему хмурилась. Рагнхильд не изменилась в лице.

— А Англия? — спросила она. — Ты знаешь, что там тебя ждёт?

— Нет.

— Ты знаешь эту землю?

— Я родилась там. Но меня увезли оттуда ребёнком. Я не помню её так, как помнят дом.

— И всё же ты идёшь туда с войском.

— Да.

— Почему?

Я замолчала на мгновение.

Перед глазами возникли не берега и не города, а лицо отца, которое я почти утратила в памяти. Отец.

— Потому что я больше не хочу позволять прошлому решать за меня, — сказала я. — Англия отняла у меня детство не меньше, чем люди, которые увезли меня оттуда. Но я не останусь пленницей того, что произошло, только потому, что боюсь снова увидеть знакомую землю.

На поляне стало тихо.

Фрейдис стояла рядом, не вмешиваясь. Я знала, что она понимает больше, чем сказала бы вслух.

Рагнхильд опустила взгляд на мои руки.

— Ты уверена, что твой дар не ослепит тебя?

— Нет.

— Уверена, что не станешь искать в каждом вороне знак, в каждом сне — пророчество?

— Нет.

Она подняла глаза.

— Тогда что же ты можешь обещать?

Я глубоко вдохнула.

— Что буду сомневаться, когда сомнение необходимо. Что буду спрашивать, когда не знаю. Что не стану пользоваться страхом людей ради собственной власти. И что не отрекусь от увиденного только потому, что кому-то не понравится правда.

— Ты уверена, что готова принять последствия? — спросила Рагнхильд.

— Да.

— Даже если однажды люди отвернутся от тебя?

— Да.

— Даже если твоё слово окажется неверным?

— Если я солгу — пусть отвернутся. Если я честно скажу то, что вижу, и ошибусь, мне придётся признать ошибку. Но я не стану молчать лишь потому, что боюсь осуждения.

Фрейдис опустила голову. Я заметила на её лице едва уловимую улыбку.

Сигрун наконец заговорила:

— Ты услышала её.

— Я услышала слова.

— Иногда это всё, что нам дано услышать в начале пути.

Рагнхильд не ответила. Она отступила на шаг, освобождая место перед жертвенником, но не склонила головы.

Этого было достаточно. Я не нуждалась в её одобрении. По крайней мере, сейчас.

Неподалёку от священного места, за густыми елями, остановились двое мужчин.

Они не собирались подглядывать за обрядом. Харальд и Кнут возвращались от берега, где осматривали корабли и обсуждали приготовления к дальнейшему пути. Услышав голоса, они свернули с тропы, чтобы не мешать служению, но вскоре поняли, что перед ними не обычная молитва.

Харальд узнал Сигрун. Затем увидел Фрейю.

Он остановился, не произнеся ни слова.

Сначала он заметил, что женщины спорят. Одна из них говорила резко, указывая на Фрейю посохом. Кнут хотел было продолжить путь, но Харальд остался.

— Это не наше дело, — негромко сказал Кнут.

— Я знаю.

Однако он не ушёл.

Они услышали не все слова, но достаточно, чтобы понять суть спора. Фрейю обвиняли в недостойности, сомневались в её даре и даже намекали, что она отправляется в Англию ради близости к принцу.

Харальд нахмурился.

Он вспомнил их первую встречу. Её резкость, быстрый ответ, взгляд, в котором не было ни страха, ни желания угодить. Тогда ему показалось, что перед ним просто дерзкая девушка, не умеющая знать своё место.

Теперь он видел, что она стоит перед женщинами, которые старше её и обладают большим влиянием, и не пытается спрятаться за Сигрун.

Фрейя говорила спокойно. Даже когда обвинения становились грубее, она не повышала голоса.

— Она не отступает, — тихо заметил Кнут.

— Я вижу.

— Ты знал, что девушка, которую собираешься взять с собой, пользуется таким уважением?

Харальд посмотрел на него.

— Теперь знаю.

— Тогда, возможно, нам стоит относиться к ней серьёзнее, чем ты собирался.

Харальд не ответил. Его взгляд снова вернулся к поляне.

Когда Фрейя сказала, что не станет выдавать незнание за истину, Кнут едва заметно кивнул, словно услышал нечто важное.

— По крайней мере, она не обещает невозможного, — произнёс он.

— Это ещё не доказывает, что она пригодится в походе.

— Нет. Но доказывает, что ты поспешил с выводами.

Харальд бросил на него недовольный взгляд.

В этот момент Фрейя повернула голову в сторону деревьев.

Он замер.

Её взгляд задержался на тёмной полосе между стволами. Казалось, она почувствовала чьё-то присутствие. Но через мгновение она снова повернулась к Сигрун.

— Уходим, — тихо сказал Кнут.

Они отступили по тропе, стараясь не шуметь.

Харальд ещё раз посмотрел на поляну, прежде чем деревья скрыли её от глаз.

Сигрун подошла ко мне, когда спор окончательно стих.

— Теперь мы можем начать.

Она не сказала, что я хорошо справилась. Не стала утешать или хвалить. Но в её взгляде было то спокойное одобрение, которое я ценила больше громких слов.

На жертвеннике лежали хлеб, ягоды, немного мёда и чаша с водой. Рядом тлели угли в небольшом сосуде; от них поднимался дым можжевельника и сухих трав.

Женщины заняли места полукругом. Рагнхильд осталась чуть в стороне. Фрейдис стояла рядом с остальными, не отводя от меня взгляда.

Сигрун повернулась ко мне.

— Подойди.

Я сделала шаг вперёд.

— Сегодня мы не даруем тебе то, чего у тебя нет, — произнесла она. — И не обещаем того, чего не могут обещать даже боги. Твой дар был с тобой прежде, чем ты переступила порог моего дома. Но отныне ты принимаешь не только его, но и ответственность за то, как станешь им пользоваться.

Она коснулась моей ладони, затем провела над ней дымом от можжевельника.

— Ты будешь говорить, когда увидишь. Будешь молчать, когда не знаешь. Не станешь превращать страх людей в свою власть и не станешь обещать им спасение, которого не можешь дать.

Я слушала, стараясь запомнить каждое слово.

Сигрун протянула мне чашу.

— Вода помнит прикосновение. Огонь очищает то, что должно остаться в прошлом. Земля принимает наши клятвы. А ветер разносит слова дальше, чем способен дойти человеческий голос.

Я омыла ладони. Вода была ледяной, и холод заставил меня вздрогнуть.

— Повтори за мной, если готова.

Сигрун произнесла слова медленно, оставляя между ними паузы.

— Я не стану лгать от имени богов.

— Я не стану лгать от имени богов.

— Не стану скрывать правду ради собственной выгоды.

— Не стану скрывать правду ради собственной выгоды.

— Не стану обещать того, чего не могу исполнить.

— Не стану обещать того, чего не могу исполнить.

Я посмотрела на женщин, стоявших передо мной. Потом произнесла собственные слова:

— Я не обещаю, что всегда буду права. Не обещаю, что не испугаюсь. Но обещаю не выдавать страх за волю богов и не отрекаться от увиденного лишь потому, что правда кому-то не понравится.

Сигрун кивнула.

— И не забывай: дар не освобождает тебя от ответственности.

— Не забуду.

Она достала из небольшой кожаной сумки деревянный знак — тонкую пластину с вырезанными рунами. Она была гладкой от времени, края потемнели от прикосновений.

— Этот знак не делает тебя сильнее, — сказала Сигрун. — Он напоминает о том, что ты приняла.

Она вложила дерево мне в ладонь.

— Носи его не как украшение, а как обещание самой себе.

Я сжала дерево пальцами.

Сигрун подняла посох и коснулась им земли.

— Пусть свидетели запомнят этот день. Фрейя, дочь Эдмунда и Эльсвит, ученица Аслауг и моя ученица, принимает путь вёльвы. Пусть она хранит ясность ума и твердость духа когда другие ищут утешения, и мужество, когда правда окажется тяжёлой.

Фрейдис первой склонила голову. За ней сделали то же остальные женщины.

Рагнхильд осталась стоять прямо. Её лицо не выражало ни одобрения, ни открытой вражды.

Я не почувствовала внезапного прилива силы. Не услышала голосов и не увидела знаков в дыму. Лишь холодный воздух коснулся лица, а в руках остался тёплый от прикосновения деревянный знак.

И этого было достаточно.

Когда обряд закончился, женщины стали собирать чаши и подношения. Сигрун осталась возле жертвенника, а я отошла вместе с Фрейдис к краю поляны.

— Значит, Англия, — сказала она.

— Да.

— Страна, где ты родилась.

Я кивнула.

— Я не знаю, что почувствую, когда увижу её берега.

— Не обязательно знать заранее.

Фрейдис посмотрела на деревянный знак в моей руке.

— Ты боялась, что они не позволят тебе пройти обряд?

— Я боялась, что мне придётся оправдываться перед людьми, которые уже решили, что я недостойна.

— И всё же ты не отступила.

— Я не хотела, чтобы чужое мнение решало за меня.

Фрейдис кивнула.

— Я знаю это чувство.

Некоторое время мы молчали. Ветер шевелил её плащ, и несколько прядей выбились из косы.

— Я видела, как ты помогала людям, — сказала она наконец. — Видела, как ты слушала чужую боль и не требовала ничего взамен. Не знаю, что именно открывают тебе боги, но знаю, что ты не станешь использовать чужой страх против них.

Я посмотрела на неё.

— Благодарю. Но сегодня мне важно было сказать это самой.

Она улыбнулась.

— Ты думаешь, в Уппсале меня тоже будут проверять?

— Не сомневаюсь.

— Тогда, возможно, нам обеим придётся привыкнуть к тому, что не каждый встретит нас с распростёртыми объятиями.

— Это похоже на правду.

Фрейдис посмотрела в сторону леса.

— Я тоже боюсь Уппсалы. Не знаю, что найду там. Не знаю, кем стану после того, как доберусь до неё.

— Но всё равно пойдёшь.

— Да. Потому что иначе не узнаю.

Я посмотрела на неё. В её лице не было ни просьбы о сочувствии, ни желания казаться бесстрашной. Только твёрдое решение женщины, которая слишком долго шла к своей цели, чтобы теперь отступить.

— Тогда пусть дорога будет благосклонна к нам обеим, — сказала я.

— И пусть боги не позволят нам спутать страх с предзнаменованием.

Она протянула руку. Я пожала её.

Мы не обещали друг другу встретиться снова. Не просили богов свести наши пути. У каждой из нас была своя дорога, и обе мы знали, что не можем пройти её за друг за друга.

Фрейдис направилась к Сигрун, чтобы попрощаться перед отъездом в Уппсалу. Я осталась ещё на несколько мгновений возле камней. Ветер принёс запах дыма и влажной земли. Где-то высоко над деревьями прокричал ворон.

Я коснулась амулета на груди.

— Я иду не за ответами, — прошептала я. — Я иду, чтобы не отвернуться от вопросов.

Вечером я вернулась домой раньше Сигрун. В комнате было прохладно. Я разожгла огонь, сняла плащ и достала из сундука дорожную сумку.

Собирать вещи оказалось труднее, чем я ожидала.

Я положила туда смену одежды, шерстяную накидку, несколько чистых полотен, мешочки с сушёными травами, маленький нож и кожаную сумку с рунами. Деревянный знак, полученный во время обряда, я обернула мягкой тканью и убрала рядом с амулетом.

Потом открыла небольшую шкатулку.

В ней лежали две деревянные птицы.

Одна была вырезана отцом, когда я была ребёнком. Вторую сделал Эйрик для нашего сына. Она была аккуратнее, с гладкими крыльями и тонким клювом.

Я взяла обе в ладони.

Долгое время смотрела на них, не пытаясь отогнать воспоминания. Отец сидел у очага, строгал дерево и улыбался мне через плечо. Эйрик склонился над маленькой фигуркой, которую собирался подарить сыну. Наш мальчик тянул к ней руки и смеялся.

Я закрыла глаза.

На этот раз я не стала просить богов вернуть мне прошлое. Оно уже не принадлежало мне так, как прежде. Но я могла сохранить то немногое, что осталось.

Птицу отца я завернула в ткань и положила в дорожную сумку. Вторую оставила в шкатулке. Я не знала, почему не смогла взять обе. Возможно, одна должна была остаться здесь — рядом с тем домом, где я научилась жить после потери.

Когда Сигрун вернулась, сумка уже стояла у стены.

Она остановилась на пороге и посмотрела на неё.

— Значит, решение принято.

— Да.

— Хорошо.

Она сняла плащ и повесила его возле очага.

— Харальд знает?

— Нет.

— Узнает завтра. Он прислал человека, чтобы узнать, согласилась ли ты.

Я подняла бровь.

— Неужели ему так не терпится?

— Ему нужно знать, кто отправится с ним в путь.

— Тогда ему придётся подождать до утра.

Сигрун посмотрела на меня с лёгким неодобрением.

— Не испытывай терпение человека, от которого будет зависеть твоя безопасность в пути.

— Я не испытываю его терпение. Я просто не собираюсь бежать к нему по первому зову.

— Это две стороны одной и той же монеты.

Я улыбнулась.

— Возможно, я многому у тебя научилась.

— Надеюсь, не всему.

На следующее утро я сама отправилась к месту, где остановились Харальд и Кнут. Не потому, что боялась, что меня не примут, а потому, что не хотела, чтобы о моём решении сообщали через чужие уста.

Харальд разговаривал с несколькими воинами. Увидев меня, он закончил фразу и повернулся.

— Ты решила?

— Да.

— И?

— Я отправлюсь с вами в Англию.

Он коротко кивнул.

— Хорошо. Тогда нужно будет обсудить, что тебе понадобится в дороге.

— Я уже собрала необходимое.

— Надеюсь, ты понимаешь, что поход — не прогулка.

— А я надеюсь, ты понимаешь, что вёльва — не украшение при военачальнике.

Его челюсть напряглась.

— Я не собираюсь обращаться с тобой как с украшением.

— Тогда у нас уже есть одно общее ожидание.

Кнут, стоявший неподалёку, посмотрел на нас с выражением человека, который заранее предвидел подобный разговор.

— Похоже, вы сумеете найти общий язык, — сказал он.

— Вряд ли, — ответили мы с Харальдом одновременно.

Кнут рассмеялся.

Я не стала ждать, что скажет Харальд. Поклонилась Кнуту, повернулась и направилась обратно к дому Сигрун.

За спиной я услышала голос принца:

— Надеюсь, она не всегда такая.

— Надейся, — ответил Кнут. — Но не рассчитывай.

Я не обернулась, хотя улыбка всё-таки тронула мои губы.

Впереди была Англия. Земля моего детства, которую я почти забыла, и место, где когда-то началась моя боль. Я не знала, что ждёт меня там. Не знала, какие знаки встретятся на пути и сумею ли я понять их прежде, чем станет слишком поздно.

Но теперь я шла не как пленница и не как испуганная девочка, которую увозят прочь от дома.

Я шла по собственной воле. Как вёльва, как обладательница магии сейд.

И впервые за долгое время это различие казалось мне важнее всего остального.

Глава шестая. «Там, где кончается море»

«Человек может покинуть родную землю, но она не всегда отпускает его. Ведь родные берега хранят голоса тех, кого мы любили, следы наших шагов и воспоминания, которые мы надеялись оставить позади».

Над Каттегатом висели тяжёлые облака, затянувшие небо от самого горизонта. Море шумело за стенами поселения, ударяя волнами о берег, а порывистый ветер трепал крыши домов и заставлял скрипеть корабельные снасти. Воздух пах солью, дымом и мокрым деревом.

Я проснулась ещё до рассвета. В душе было неспокойно и было предчувствие неизбежного. Страх шагнуть в неизвестность был на уровне инстинкта, и перебороть его было выше моих сил.

Последние ночи сон редко приносил отдых. Стоило закрыть глаза, как передо мной возникало чёрное море, а из его глубины тянулись две тени. Иногда я слышала голос сына. Иногда мне казалось, что рядом стоит Эйрик и зовёт меня домой.

Но дома больше не было. По крайней мере, того дома, который я потеряла вместе с мужем и ребенком, Дом. Слово, которое мне не было больше знакомо.

Я поднялась, накинула шерстяную накидку и подошла к небольшому сундуку у стены. В нём лежали вещи, которые я собиралась взять с собой: несколько сменной одежды, мешочки с сушёными травами, нож, рунические камни, небольшая чаша для обрядов и свёрток с амулетами.

Я достала деревянную птицу, вырезанную отцом много лет назад.

Её крылья были неровными, одно чуть короче другого. На боку сохранилась маленькая трещина, которую я помнила с детства. Отец тогда обещал починить игрушку, но так и не успел.

— Моя маленькая птичка, — прошептала я, вспоминая его голос.

На мгновение мне показалось, что я снова стою у очага в родительском доме. Мать перебирает травы, отец сидит у окна с ножом и деревянной заготовкой, а за дверью слышится шум ветра над холмами.

Я моргнула, и воспоминание исчезло. А по щека скользнула, оставляя хрустальный след одинокая слеза.

Птицу я бережно убрала в небольшой кожаный мешочек и спрятала среди вещей.

Вторую, ту, которую Эйрик вырезал для нашего сына, я оставила в шкатулке. Не смогла взять обе. Не потому, что одна была мне дороже другой. Просто мне казалось неправильным уносить с собой последнюю вещь, которую муж сделал для ребёнка.

Когда я вышла из дома, небо уже начало светлеть.

Сигрун ждала меня возле святилища. Она стояла под навесом, укутанная в тёмный плащ, и смотрела на море. Ветер трепал её седые волосы, но она словно не замечала холода.

— Ты рано поднялась, — сказала она, услышав мои шаги.

— Сегодня вряд ли удалось бы поспать дольше.

Сигрун повернулась ко мне.

— Боишься?

Я могла бы солгать. Сказать, что готова к путешествию, что страх остался позади, что Англия для меня всего лишь чужая земля, на которой предстоит исполнить поручение.

Но Сигрун слишком хорошо меня знала.

— Да. Боюсь сделать шаг и упасть, потому что внизу разверзлась пропасть.

Она кивнула, словно ожидала именно этого ответа.

— Не позволяй страху принимать решения вместо тебя. Но и не считай его врагом. Иногда он напоминает нам о том, что мы ещё живы.

— А если он окажется сильнее?

— Тогда остановись и переведи дыхание. Не всякий путь нужно проходить быстро.

Я улыбнулась краешком губ.

— Ты говоришь так, будто я собираюсь одна пересечь весь мир.

— Для тебя это почти так и есть.

Сигрун подошла ближе и поправила застёжку моего плаща.

— Помни, Фрейя, ты отправляешься туда не для того, чтобы доказать свою силу. И не для того, чтобы заслужить чужое признание. Ты уже приняла решение. Теперь будь верна ему.

Я накрыла её ладонь своей.

— Я постараюсь.

— Не старайся быть безупречной. Это тяжёлое бремя, и никто не способен нести его долго.

Некоторое время мы молчали. Я хотела сказать ей многое, но слова казались лишними, Сигрун они не требовались, чтобы понять меня.

— Я буду скучать, — наконец произнесла я.

— Знаю, дитя.

Она обняла меня. Я прижалась щекой к её плечу и на мгновение позволила себе забыть, что скоро должна буду покинуть Каттегат.

Сигрун стала мне наставницей, но за годы, проведённые рядом с ней, превратилась в нечто большее. Она дала мне не только знания, но и кров, когда я ещё не знала, куда идти. Не спрашивала, почему я просыпаюсь по ночам с криком. Не требовала забыть прошлое. Она просто оставалась рядом.

— Ты всё ещё винишь себя за то, что случилось с ними, — тихо сказала Сигрун.

Я опустила глаза. Ответить было нечего. Даже теперь, спустя столько времени, я не могла перестать думать о последнем видении и о том, что, возможно, должна была понять его раньше.

— Фрейя, — она коснулась моей руки. — Ты уже должна себя простить.

— А если я не имею на это права? Что если это мое бремя, которое я обязана нести всю жизнь.

— Ты не призывала бурю. Не выбирала, кому жить, а кому погибнуть. Ты не могла удержать их в этом мире одной лишь силой любви. Не превращай свою скорбь в наказание, которому сама же не позволяешь закончиться.

Я долго молчала. Мне хотелось поверить ей, но прощение казалось почти предательством — словно, перестав винить себя, я однажды смогу забыть тех, кого потеряла.

— Я не знаю, как это сделать, — наконец прошептала я.

— Тогда начни хотя бы с того, что перестанешь каждый день выносить себе приговор.

Я не ответила. Но слова Сигрун остались со мной — как остаётся в памяти тепло очага после долгой дороги.

— Возвращайся, — тихо сказала она.

— Если боги позволят.

— Боги не всегда отвечают на наши просьбы. Иногда нам приходится самим искать дорогу домой.

Я запомнила эти слова. И повернулась к наставнице спиной, зная, что меня всегда тут будут ждать, какую бы дорогу я не выбрала, и какое решение бы не приняла.

Фрейдис ждала меня возле дороги, ведущей к пристани.

На ней была дорожная одежда, поверх которой накинут тёмный плащ. За спиной висел небольшой мешок. Она собиралась отправиться в Уппсалу и, судя по её виду, уже приняла это решение окончательно.

— Значит, сегодня мы всё-таки расстанемся, — сказала она.

— Похоже на то.

Фрейдис обняла меня крепко, почти по-родственному.

— Береги себя в Англии, вёльва.

— Постараюсь. Ты тоже не ищи неприятностей в Уппсале.

Она усмехнулась.

— Не обещаю, но постараюсь, я верю, что мы еще встретимся носительница дара сейд.

Мы рассмеялись, но веселье быстро уступило место тишине.

Я посмотрела на неё внимательнее.

— Харальд будет скучать.

Фрейдис опустила глаза, скрывая улыбку.

— Харальд умеет занимать чужие мысли, даже когда его нет рядом.

— Слава Фрейе, только не мои, в этом мы с ним и отличаемся, — я посмотрела в сторону горизонта и прикрыла глаза, наслаждаясь резкими порывами ветра.

Она взглянула на меня с лёгким укором, но без раздражения.

— Между нами есть что-то, что я пока не могу понять, Фрейя. Но не всё, что дорого сердцу, можно удержать. У Харальда свой путь. У меня — свой.

Я кивнула. В её голосе не было ни обиды, ни желания жаловаться. Только спокойное понимание того, что некоторые дороги не могут идти бок о бок.

— Надеюсь, твой путь приведёт тебя туда, где ты найдёшь ответы, — сказала я.

— А твой?

Я посмотрела в сторону моря.

— Пока я не знаю. Но надеюсь, что боги подскажут мне мой.

Фрейдис сжала мою руку.

— Тогда хотя бы не забывай, кто ты.

— Никогда, я выбрала свою судьбу.

Мы обнялись ещё раз. Потом она направилась к дороге, ведущей из поселения, а я осталась стоять, пока её фигура не скрылась за домами.

Вскоре мне предстояло сделать то же самое.

У пристани уже собирались воины.

Корабли покачивались на воде, их высокие носы с резными головами казались живыми существами, готовыми броситься в холодное море. Люди переносили припасы, проверяли канаты и укладывали оружие. Повсюду слышались голоса, смех и короткие распоряжения.

Харальд стоял рядом с Кнутом и несколькими воинами. На нём были кожаные доспехи, а светлые волосы были убраны назад. Он что-то обсуждал с одним из командиров, когда заметил меня.

Его взгляд задержался на моём мешке.

— Надеюсь, ты взяла с собой всё необходимое, — произнёс он.

— Благодарю за заботу. Я бы никогда не догадалась, что в путешествии могут пригодиться вещи.

Кнут усмехнулся.

— Кажется, дорога обещает быть весёлой.

Харальд не обратил на него внимания.

— На корабле не будет места для лишнего груза.

— Тогда тебе придётся оставить часть своих приказов на берегу. Они занимают куда больше места, чем мои травы.

Кнут рассмеялся уже открыто.

— Харальд, думаю, тебе придётся привыкнуть.

— Я предпочёл бы привыкнуть к тишине и уважению, — сухо ответил тот.

— Тогда ты выбрал не того спутника, — заметила я.

Наследник посмотрел на меня чуть дольше обычного.

— В Англии от тебя будут ждать помощи. Не только красивых слов о богах.

— А я надеюсь, что от тебя будут ждать не только умения размахивать мечом и желанием отдавать приказы, — его лицо стало жёстче, а я лишь скупо улыбнулась на его колкость.

— Посмотрим, на что ты способна.

— Именно это я и собираюсь сделать.

Я поднялась на корабль, не дожидаясь его ответа.

Кнут проводил меня взглядом, затем повернулся к Харальду.

— Ты ведь понимаешь, что она не станет молчать только потому, что ты наследник? Путешествие окажется интереснее, чем я ожидал.

Молодой воин ничего не ответил.

Когда корабли отошли от пристани, я смотрела на Каттегат до тех пор, пока дома не превратились в маленькие тёмные пятна. Потом исчезли и они.

Я не знала, когда увижу это место снова.

И всё же впервые за долгое время не чувствовала, что бегу от чего-то.

Я ехала навстречу тому, чего боялась.

В первые часы плавания я старалась держаться подальше от самых шумных воинов. На драккаре было тесно. Люди сидели плечом к плечу, проверяли оружие, переговаривались и спорили о предстоящем походе. Ветер трепал волосы, забирался под одежду, а брызги холодной воды оседали на лице.

Я устроилась ближе к середине корабля, где было немного меньше ветра, и проверяла свои мешочки со всем необходимым.

— Фрейя?

Я подняла голову.

Неподалёку стоял мужчина лет сорока. Широкие плечи, обветренное лицо, короткая борода с проседью. На его щеке виднелся старый шрам, а на поясе висел потёртый нож.

Он смотрел на меня так, словно боялся ошибиться.

— Торстейн? — произнесла я неуверенно.

Мужчина улыбнулся.

— Значит, всё-таки узнала.

Я поднялась. Несколько мгновений мы просто смотрели друг на друга. Потом он шагнул вперёд, и я обняла его.

Торстейн пах дымом, кожей и морской солью. Этот запах вернул меня в те времена, когда я ещё жила с Эйриком. Торстейн часто заходил к нам, помогал мужу чинить снасти, иногда приносил рыбу или рассказывал новости с соседних берегов.

Он не был родственником, но в нашем доме его всегда встречали как своего.

— Ты изменилась, — сказал он, отстраняясь.

— Прошло немало времени, — я тепло улыбнулась ему. Я словно вернулась домой.

— Да. Но я всё равно помню девчонку, которая однажды пригрозила выбросить мои сапоги в море, если я ещё раз оставлю их возле очага.

Я рассмеялась.

— Они пахли так, будто ты вытащил их из могильной ямы Хель.

— А Эйрик сказал, что ты слишком строга к гостям.

При упоминании мужа улыбка медленно исчезла с моего лица. Торстейн заметил это и не стал продолжать.

— Я рад, что ты здесь, — произнёс он.

— Я тоже рада тебя видеть.

Он посмотрел на мои волосы, на серебряные пряди, на рунические знаки, выглядывавшие из-под рукавов.

— Значит, ты теперь вёльва?

— Теперь — да.

— Эйрик удивился бы.

Я опустила взгляд.

— Думаю, он не слишком удивился бы. Он всегда говорил, что я замечаю то, чего другие не видят.

Торстейн тихо усмехнулся.

— Он говорил о твоём умении подмечать детали, юная вёльва.

— И о том, что я слишком много разговариваю?

— Это тоже.

На этот раз я улыбнулась искренне.

Мы сели рядом. Торстейн рассказал, что после последней встречи с нашей семьёй ему довелось несколько раз проходить мимо нашего старого дома, но потом он уехал на север. Он не знал, что случилось с Эйриком и мальчиком, пока не услышал об этом от других.

— Я не знал, как подойти к тебе, когда узнал, — признался он. — Не хотел задавать вопросы, на которые ты не обязана отвечать.

— Спасибо.

Он кивнул, словно понял всё, что я не произнесла.

— Маленький Лейф был шумным мальчишкой, — сказал он спустя некоторое время. — Помню, как он однажды спрятал мой нож под одеяло, а потом сделал вид, будто ничего не знает.

Я почувствовала, как защипало глаза.

— Он очень гордился этим.

— А Эйрик сделал ему деревянную лодочку, чтобы он больше не трогал чужие вещи.

Я тихо рассмеялась.

— Не помогло. Лейф всё равно прятал мои иглы и деревянные ложки.

Торстейн улыбнулся, но в его глазах тоже появилась печаль.

Мы долго сидели рядом, вспоминая простые вещи. Не смерть, не море и не то, что осталось после шторма. Только жизнь, которая когда-то была.

И я впервые за много месяцев услышала имя Эйрика без того, чтобы вслед за ним возникал ужас.

К вечеру погода испортилась.

Ветер усилился, волны стали выше, и драккар начал резко вздрагивать на воде. Люди крепче держались за борта, кто-то ругался, кто-то смеялся, пытаясь скрыть тревогу.

Один из молодых воинов сидел, согнувшись над бортом. Его лицо было бледным, губы посинели от холода.

Я подошла к нему.

— Давно тебя мутит?

Он поднял на меня измученный взгляд.

— С самого утра.

— Пил воду?

Он отрицательно покачал головой.

Я достала небольшой мешочек и вынула несколько листьев сушёной мяты.

— Пожуй немного. Потом сделай несколько маленьких глотков воды. Не пытайся сразу выпить много.

— И это всё? — спросил он с сомнением.

— Если ты ждёшь, что я заставлю море успокоиться, боюсь, придётся тебя разочаровать.

Несколько воинов рассмеялись.

— Я думал, вёльвы умеют предсказывать бурю, — пробормотал кто-то.

Я повернулась к говорившему.

— А я думала, воины умеют переносить трудности молча. Видимо, мы оба ошибались.

Смех стал громче.

Я вернулась к больному и помогла ему устроиться удобнее. Через некоторое время его дыхание немного выровнялось.

Когда я поднялась, заметила Харальда. Он стоял у мачты и наблюдал за нами.

— Ты знаешь травы, — сказал он.

— Да, Сигрун много меня научила.

— Не все вёльвы умеют лечить.

— Не все воины умеют думать. Но я не делаю выводов по одному человеку.

Он чуть приподнял бровь.

— Ты всегда отвечаешь так?

— Только когда меня спрашивают.

Харальд посмотрел на мешочек в моей руке.

— Тебе самой не мешает голод?

— Мешает.

— Тогда почему ты не ешь?

Я посмотрела на него с удивлением. Только теперь заметила, что за весь день почти ничего не съела.

— Не успела.

— От голодной вёльвы мало пользы.

— От самоуверенного принца тоже.

Он отвернулся, не ответив.

Я достала из мешка кусок хлеба и сушёную рыбу. Есть не хотелось, но Сигрун не раз говорила мне, что нельзя требовать от тела сил, если сама не даёшь ему пищи.

Ветер продолжал рвать паруса. Море не собиралось становиться спокойнее.

На следующий день я заметила, что Харальд всё чаще смотрит в сторону Торстейна.

Сначала я не придала этому значения. Они несколько раз разговаривали с другими воинами, обсуждали путь и припасы. Но ближе к вечеру я увидела, как Харальд остановил Торстейна у борта.

Я не слышала начала разговора, но заметила, как изменилось лицо старого знакомого.

Позже Торстейн сам рассказал мне об этом.

— Принц расспрашивал о тебе, — произнёс он, присаживаясь рядом.

Я подняла голову.

— О чём именно?

— Кто ты была до того, как стала вёльвой. Откуда родом. Как жила. Что случилось с твоим мужем.

Я медленно выдохнула.

— И что ты ему ответил?

— Что он может спросить тебя сам, если ты захочешь рассказать.

— Он настаивал?

— Сказал, что ему необходимо знать людей, с которыми он отправляется в поход. Я ответил, что твои способности он может оценить сам. А остальное не его дело.

Я поблагодарила Торстейна и направилась к корме, где Харальд беседовал с Кнутом. Они стояли у борта, укрывшись от ветра за поднятым парусом. Кнут что-то говорил, негромко посмеиваясь, но, заметив меня, Харальд оборвал его на полуслове.

Я остановилась перед ними.

— Нам нужно поговорить.

Кнут перевёл взгляд с меня на Харальда, словно сразу догадался, что разговор обещает быть непростым.

— Пожалуй, я оставлю вас вдвоём.

— Не уходи, — остановил его Харальд. — Что случилось?

Я не сводила с него глаз.

— Ты спрашивал Торстейна о моей жизни?

Харальд чуть приподнял брови. На его лице промелькнуло удивление, которое почти сразу сменилось привычной невозмутимостью.

— А если и спрашивал?

— Я предпочла бы услышать ответ.

Он облокотился на борт, скрестив руки на груди.

— Я хотел узнать больше о человеке, который отправляется со мной в поход.

— Тогда тебе следовало спросить меня.

— Я спросил человека, который знал тебя раньше.

Я невольно сжала пальцы. Несколько мгновений смотрела на него, пытаясь понять, действительно ли он не видит ничего дурного в своём поступке.

— Именно. Человека, которому я доверяла. И даже он оказался разумнее тебя.

Уголок губ Харальда дёрнулся, но улыбка так и не появилась. Он выпрямился и сделал небольшой шаг ко мне.

— Ты всегда так разговариваешь с теми, кто пытается узнать тебя получше?

— Только с теми, кто начинает знакомство с расспросов за моей спиной.

— Похоже, мне придётся заслужить твоё доверие, — заметил он с лёгкой усмешкой.

— Для начала попробуй заслужить моё уважение, Харальд.

Его взгляд стал серьёзнее. Кнут, до этого молча наблюдавший за нами, чуть повернул голову, но вмешиваться не спешил.

Я сделала вдох и продолжила:

— Ты вправе знать, смогу ли я исполнить свои обязанности. Вправе знать, можно ли доверить мне обряд или поручение. Но ты не вправе требовать, чтобы мне вывернули душу наизнанку ради твоего спокойствия.

— Я ничего не требовал, — возразил Харальд.

— Нет? — Я невесело усмехнулась. — Ты расспрашивал о моём муже. О моём ребёнке. О том, кем я была прежде. Неужели ты не понимаешь разницы?

На мгновение его лицо изменилось. Он отвёл взгляд, провёл ладонью по подбородку и снова посмотрел на меня.

— Я хотел понять, почему ты так болезненно реагируешь на некоторые вещи.

Из моей груди вырвался короткий смешок.

— И решил, что можешь найти ответ в чужих воспоминаниях?

— Я пытался понять тебя, Фрейя.

— Тогда тебе стоило бы начать с уважения к моему молчанию.

Харальд нахмурился. Он явно не привык, чтобы ему указывали, как следует поступать, особенно те, кто должен был подчиняться его решениям.

— Я отвечаю за людей, которые идут со мной. Не собираюсь доверять неизвестному человеку только потому, что Сигрун назвала её своей ученицей.

— Тогда суди обо мне по моим поступкам, а не по тому, что можешь выведать у других.

— Ты слишком остро воспринимаешь обычные вопросы.

Я замерла. Его слова задели сильнее, чем я ожидала. Некоторое время я просто смотрела на него, а затем медленно покачала головой.

— А ты слишком легко называешь чужую боль обычным вопросом.

Кнут переступил с ноги на ногу и бросил на Харальда многозначительный взгляд.

— Харальд…

— Нет, Кнут, — остановила я его, не поворачиваясь. — Пусть дослушает.

Я снова обратилась к Харальду:

— Торстейн знает мою семью. Он помнит моего мужа и сына. Но он не стал расспрашивать меня о том, что случилось. Знаешь почему? Потому что понимал: я сама решу, когда смогу об этом говорить.

Харальд молчал. Ветер трепал его волосы, а пальцы одной руки нетерпеливо постукивали по деревянному борту.

— А ты, едва узнав, что он меня знает, решил воспользоваться этим, — закончила я.

— Я не собирался причинять тебе боль, — произнёс он после короткой паузы.

— Но ты даже не подумал, что можешь её причинить.

На этот раз он не ответил сразу. Его взгляд задержался на моём лице, и я заметила, как исчезло прежнее раздражение. Возможно, он наконец понял, что дело было вовсе не в нежелании отвечать на вопросы.

Я отвернулась.

— Фрейя, — окликнул он меня.

Я остановилась, но не обернулась.

— Что?

Он помедлил.

— Я не хотел проявить неуважение.

Я посмотрела через плечо.

— Но проявил.

Несколько мгновений мы молча смотрели друг на друга. Затем я отвернулась и пошла прочь, оставив его рядом с Кнутом.

Мне не хотелось ссориться с человеком, с которым предстояло делить дорогу и опасности. Но ещё меньше мне хотелось позволять ему думать, будто право командовать отрядом даёт ему право распоряжаться моей жизнью.

Я не знала, понял ли Харальд хоть что-нибудь из моих слов. Но надеялась, что в следующий раз, прежде чем задавать вопросы о моём прошлом, он вспомнит этот разговор.

Позднее Торстейн нашёл меня у борта.

Солнце уже опускалось к горизонту, окрашивая облака в тусклые медные оттенки. Море стало спокойнее, но ветер всё ещё был холодным.

— Он тебя разозлил, — сказал Торстейн.

— Это ещё мягко сказано.

— Харальд не привык, что ему отказывают.

— Тогда ему стоит привыкнуть.

Торстейн сел рядом. Некоторое время мы молчали.

— Я часто вспоминал вас, — произнёс он наконец. — Тебя, Эйрика, мальчика.

Я опустила взгляд на свои руки.

— Иногда мне кажется, что я забываю их голоса.

— Это не значит, что ты забываешь их самих.

— А если однажды я перестану помнить, как звучал смех Эйрика? Если не смогу вспомнить, как Лейф произносил моё имя?

Торстейн повернулся ко мне.

— Тогда я напомню тебе.

Я закрыла глаза.

— Ты не представляешь, как много для меня значит это услышать.

— Эйрик был хорошим человеком, Фрейя. Не самым сильным воином и не самым богатым из тех, кого я знал. Но я никогда не встречал человека, который так бережно относился бы к своей семье.

Я улыбнулась.

— Он всегда говорил, что я слишком много работаю.

— А ты отвечала, что кто-то должен следить за домом, пока он пропадает в море.

— И он смеялся.

— Да. Он всегда смеялся.

Я достала из-под плаща маленький кожаный мешочек и вынула деревянную птицу.

Торстейн долго рассматривал её.

— Эдмунд вырезал её для тебя?

Я удивлённо посмотрела на него.

— Откуда ты знаешь?

— Ты рассказывала мне однажды. Когда мы сидели у вас дома. Говорила, что отец называл тебя маленькой птичкой.

Я провела пальцем по крылу.

— Я почти забыла, что рассказывала тебе об этом.

— Я помню.

Торстейн осторожно вернул мне игрушку.

— Не все воспоминания исчезают, когда люди уходят.

Я сжала птицу в ладони.

В тот вечер мы больше не говорили о смерти. Торстейн рассказывал о рыбалке, о знакомых, о том, как однажды едва не утопил собственную лодку. Я слушала и иногда смеялась.

Это было странное чувство — снова говорить о простых вещах, не ожидая, что за каждым словом последует печаль.

Ночью море изменилось.

Ветер стих, и корабль двигался по воде почти бесшумно. Над головой раскинулось тёмное небо, усыпанное звёздами. Лишь редкие всплески у борта напоминали, что мы всё ещё посреди моря.

Я лежала с закрытыми глазами, когда услышала голос.

— Мама…

Я резко открыла глаза.

Вокруг было тихо. Несколько воинов спали, укрывшись плащами. Кто-то тихо храпел неподалёку.

— Мама…

Голос прозвучал снова. Совсем близко.

Я села.

Впереди возник берег.

Я не знала, где нахожусь. Камни были покрыты серым пеплом, между ними лежали обломки дерева. Над землёй поднимался дым, хотя вокруг не было огня.

На возвышении стоял мужчина.

Его лицо скрывала тень. Он не двигался, только смотрел куда-то вдаль.

Над ним кружили вороны.

И снова раздался детский голос.

— Мама!

Я попыталась сделать шаг, но ноги словно приросли к земле.

Вода начала подниматься. Она медленно накрывала камни, затем обломки, затем мои ступни. Я хотела крикнуть, но не смогла издать ни звука.

Мужчина повернул голову.

Я увидела только тёмный силуэт.

Потом всё исчезло.

Я очнулась на палубе, тяжело дыша. Руки дрожали, а в висках стучала боль. Я не помнила, как оказалась на коленях возле борта.

— Фрейя?

Я вздрогнула.

Харальд стоял в нескольких шагах от меня. На нём была тёмная рубаха, поверх которой он накинул плащ.

— Что ты здесь делаешь? — спросил он.

Я попыталась подняться, но ноги подогнулись. Он сделал шаг вперёд, однако я выставила руку.

— Не нужно.

Он остановился.

— Ты больна?

— Нет.

— Ты выглядишь так, будто увидела мертвеца.

Я посмотрела на него.

— Иногда мёртвые приходят к живым.

Его лицо стало серьёзнее.

— Это было видение?

Я не ответила.

— Ты должна сказать Сигрун, если такие приступы повторяются.

— Сигрун далеко.

— Тогда скажи мне.

Я усмехнулась, хотя голова продолжала болеть.

— После всего, что произошло, ты действительно думаешь, что я стану рассказывать тебе о своих видениях?

Харальд сжал челюсть.

— Я пытаюсь понять, что с тобой.

— Не нужно.

Он посмотрел на меня ещё несколько мгновений, затем снял с плеча запасной плащ и протянул его.

Я не сразу приняла его.

— Не делай из этого одолжение, — произнесла я.

— Это всего лишь плащ. Возьми, пока не замёрзла.

Я взяла его, но благодарить не стала.

Харальд отошёл к другому борту.

Я осталась стоять под ночным небом, прислушиваясь к морю.

Видение не отпускало меня. Чёрная вода, пепельный берег, незнакомый мужчина. И голос ребёнка.

Я не знала, что всё это означает.

И не собиралась притворяться, будто знаю.

Пять недель спустя.

На рассвете впереди показалась земля.

Сначала это была лишь тёмная полоса на горизонте. Потом проступили холмы, неровная линия берега и редкие деревья. Воздух изменился. В нём появился запах сырой земли, травы и чего-то едва уловимого, знакомого настолько, что я невольно задержала дыхание.

Англия.

Я стояла у борта, не отрывая взгляда от берега.

Здесь я родилась.

Здесь когда-то бегала по траве босиком, пока мать звала меня домой. Здесь отец вырезал для меня деревянных птиц. Здесь я впервые услышала, как поёт море, и ещё не знала, что однажды оно заберёт у меня почти всё.

Пять лет.

Всего пять лет я прожила здесь, но память хранила их так бережно, словно они были единственным сокровищем, которое нельзя отнять.

Я попыталась представить лицо матери.

Эльсвит.

Её руки, когда она заплетала мне волосы. Её голос, когда она пела у очага. Запах сушёных трав, которые она развешивала под потолком.

Потом отец.

Эдмунд сидел у окна, склонившись над деревянной заготовкой. Его пальцы были грубыми, в мелких порезах, а под ногтями всегда оставалась древесная пыль. Он улыбался, когда я забиралась к нему на колени и пыталась отнять нож.

«Осторожнее, моя маленькая птичка».

Я закрыла глаза.

Мне хотелось увидеть дом. Хотелось знать, сохранился ли он, стоят ли ещё стены, растут ли возле порога те деревья, под которыми я когда-то играла.

Но ещё сильнее я боялась увидеть пустое место.

— Ты давно смотришь на берег, — раздался голос Торстейна.

Я повернулась. Он стоял рядом, опираясь на борт.

— Я помню эту землю, — ответила я.

— Сколько тебе было, когда тебя забрали?

— Пять.

Он помолчал.

— Это тяжёлый возраст для того, чтобы терять дом.

Я посмотрела на берег.

— Иногда мне кажется, что я помню больше, чем действительно могла запомнить. Будто часть воспоминаний принадлежит не мне, а чужим рассказам.

— Это не делает их менее дорогими.

Я кивнула.

Вдалеке показались другие корабли. Один из воинов выкрикнул приказ, и на палубе началось движение.

Харальд стоял ближе к носу, разговаривая с Кнутом. Он заметил, что я смотрю на берег, но не подошёл.

Корабль качнулся, когда нос коснулся мелководья.

Я ступила на землю одной из первых.

Под ногами хрустнул мелкий камень. Ветер принёс запах травы и влажной почвы. Я присела, коснулась ладонью земли и задержалась так на несколько мгновений.

Я вернулась.

Но не знала, что именно здесь найду.

Лейфа я увидела ближе к лагерю.

Он стоял среди воинов, обсуждая что-то с одним из командиров. За прошедшее время он изменился: лицо стало суровее, движения — увереннее. Но, заметив меня, он улыбнулся так, будто между нами не было долгой разлуки.

— Фрейя!

Он подошёл ко мне и дотронулся до седой пряди моих волос.

— Ты добралась, — сказал он.

— Как видишь.

— Я уже начал думать, что море решило задержать тебя.

— Море и без того слишком много времени отняло у меня.

Лейф сразу понял, что я не хочу продолжать эту тему.

— Как Каттегат? — спросил он.

— Всё по-прежнему. Сигрун передавала тебе привет. Фрейдис отправилась в Уппсалу.

Его лицо смягчилось.

— Хорошо. Я рад, что она выбрала свой путь.

— Она сильнее, чем сама думает.

Мы некоторое время говорили о Каттегате, о знакомых и о том, что произошло после его отплытия. Лейф рассказал, что войско уже успело разорить несколько английских поселений.

Я слушала, но мысли то и дело возвращались к берегу.

— Ты помнишь Англию? — спросил Лейф.

— Не так, как хотелось бы.

— Ты ведь родилась здесь.

— Да. Но иногда пять лет кажутся слишком коротким сроком, чтобы назвать целую землю своей.

Лейф посмотрел на меня с пониманием.

— Может быть, тебе удастся найти что-нибудь знакомое.

— Я надеюсь.

Он не стал спрашивать, что именно я ищу.

Я была ему благодарна за это.

Кнут разбил лагерь неподалёку от поселения. Повсюду стояли шатры, горели костры, воины чистили оружие и проверяли снаряжение. Над лагерем поднимался дым, смешиваясь с туманом, стелившимся над низинами.

Здесь было много людей, говоривших на разных наречиях. Датчане, норвежцы, англичане. Одни служили Кнуту по собственной воле, другие — потому что не видели иного выхода.

Я замечала, как англосаксонские воины держались отдельными группами. Они исполняли приказы, но не всегда смотрели на датчан с покорностью. В их взглядах было слишком много настороженности.

Кнут умел говорить о власти так, словно она была делом неизбежным. Он обсуждал союзы, земли и верность людей, но я понимала, что даже самые уверенные слова не способны заставить всех подчиниться.

Харальд находился рядом с ним. Он внимательно слушал, иногда вступал в разговор, иногда отводил взгляд к лагерю. В нём чувствовалась привычка не только исполнять приказы, но и оценивать, какую выгоду принесёт каждое решение.

Однажды я услышала, как один из англосаксонских старейшин спорил с датским воином из-за припасов. Разговор быстро перешёл на повышенные тона. Люди вокруг насторожились, положив руки на оружие.

Я отошла в сторону.

Мне не нужно было знать все подробности, чтобы понять: спокойствие, которое Кнут пытался установить, ещё не стало миром.

Англия не приняла новых хозяев так легко, как могло показаться издалека.

И я сама пока не знала, примет ли она меня.

Битва произошла спустя несколько дней.

Я не участвовала в сражении. Моим местом были не ряды воинов, а те, кто оставался после них: раненые, умирающие, испуганные люди, которым требовалась помощь.

Когда шум боя стих, земля была изрыта следами ног и копыт. Повсюду валялись щиты, сломанные копья и обрывки одежды. Воздух был тяжёлым от запаха крови, сырой земли и дыма.

Я опустилась рядом с молодым воином, у которого была рассечена рука. Он сжимал зубы, пока я промывала рану.

— Держись, — сказала я. — Если будешь дёргаться, сделаю только больнее.

— Я не дёргаюсь, — прохрипел он.

Он попытался улыбнуться.

Я закончила перевязку и поднялась.

И тогда увидела Харальда.

Он стоял неподалёку от нескольких раненых противников. Один из них лежал на спине, тяжело дыша. Другой пытался приподняться, но не мог опереться на повреждённую ногу.

Харальд держал меч.

Я не сразу поняла, что собирается сделать.

— Харальд! — крикнула я.

Он повернул голову.

Но было поздно.

Меч опустился.

Я увидела, как тело раненого содрогнулось, а затем затихло.

На мгновение весь шум вокруг словно исчез.

Я бросилась вперёд.

— Что ты делаешь?!

Харальд посмотрел на меня так, будто мой вопрос показался ему нелепым.

— Не вмешивайся.

Я остановилась рядом с другим раненым. Мужчина был ещё жив. Его глаза метались между мной и Харальдом.

— Он не может сражаться, — произнесла я.

— Он уже не будет.

— Он безоружен!

— Он пришёл сюда убивать моих людей.

Харальд шагнул к раненому.

Я встала между ними.

— Нет.

Его взгляд стал холодным.

— Отойди.

— Нет.

Несколько воинов обернулись. Лейф, находившийся неподалёку, направился к нам.

Харальд стоял напротив меня, не опуская меча. Ветер трепал его волосы, на лице застыла жёсткая решимость. Он переводил взгляд с меня на раненого, словно всё ещё надеялся, что я наконец отступлю.

Я опустилась на колени возле англосакса и осторожно приподняла его голову, чтобы проверить дыхание. Мужчина застонал, его пальцы судорожно сжали край моей накидки.

— Ты не понимаешь, что делаешь, — произнёс Харальд.

Я взглянула на него снизу вверх.

— Я вижу человека, который не может сражаться.

— Я избавляю его от страданий.

Мои руки на мгновение замерли. Я медленно повернула голову к Харальду, не сразу поверив, что он действительно произнёс это.

— Не смей называть это милосердием.

Он нахмурился и переступил с ноги на ногу. Меч по-прежнему оставался в его руке.

— Ты не знаешь, что такое милосердие на поле боя.

— А ты уверен, что этот человек хочет умереть?

Харальд ничего не ответил. Его взгляд скользнул к раненому, но почти сразу вернулся ко мне.

Я достала из сумки чистую ткань и прижала её к ране. Англосакс болезненно втянул воздух. Я почувствовала, как кровь пропитывает полотно, и сильнее надавила ладонью.

— Ты спросил его? — продолжила я. — Посмотрел ему в глаза? Дал ему возможность самому решить?

— Он пришёл убивать, — резко ответил Харальд.

— И теперь он не способен даже защитить себя.

— Если бы наши враги победили, они не проявили бы к нам жалости.

Я поднялась с колен, вытирая окровавленные пальцы о край ткани. Между нами оставалось всего несколько шагов.

— Значит, ты решил стать таким же, как они?

Харальд резко выдохнул и отвёл меч в сторону, но не убрал его.

— Следи за словами, Фрейя.

— Почему? — Я чуть склонила голову. — Тебе неприятно слышать то, что ты сам прекрасно понимаешь?

— Ты не знаешь, что происходит в голове человека, который отвечает за жизни целого войска.

— А ты не знаешь, что происходит в душе человека, который лежит перед тобой и ждёт, что кто-нибудь поможет ему выжить.

Я указала на раненого. Тот с трудом повернул голову, его мутный взгляд на мгновение остановился на нас.

— Отойди от него, — потребовал Харальд.

— Нет.

Он сделал шаг вперёд. Я осталась на месте, хотя внутри всё сжалось от напряжения.

— Я не собираюсь повторять.

— А я не собираюсь подчиняться только потому, что ты привык отдавать приказы.

Его губы превратились в тонкую линию. На мгновение мне показалось, что он схватит меня за руку и сам оттащит от раненого.

Но он лишь крепче сжал рукоять меча.

— Этот человек снова возьмётся за оружие, если выживет.

— Возможно, — ответила я. — Но сейчас он лежит перед нами, истекая кровью. Ты не знаешь, что он сделает завтра. Зато прекрасно знаешь, что собираешься сделать сейчас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.